

Г. АБРАМЯН

Волшебный Каннель

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Г. АБРАМЯН

Волшебный
КАННЕЛЬ

РАССКАЗЫ
И СКАЗКИ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

P2
A16

Рисунки И. Наховой

А $\frac{4803010102-464}{M101(03)86}$ 163—86

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1986 г.

О музыке и музыкантах

Если ты любишь музыку, если тебе хочется побольше узнать об этом прекрасном искусстве, книга Григория Владимировича Абрамяна (1929—1979) будет тебе интересна.

Писатель Г. Абрамян — музыкант. Инструмент, которым он владел, скрипка. Поэтому всё его творчество пронизано музыкой.

До последнего дня он отдавал литера-

турной работе свои силы, умение и время. И это очень правильно — у каждого писателя должны быть корни, которые питают его творчество.

Первая книга Г. Абрамяна «Мастер Триоль» вышла в 1969 году. Это сказка о музыке и оркестре.

Следующую книгу Григорий Владимирович написал о маленьких музыкантах, которые учатся в музыкальной школе Москвы. «Кто взял фальшивую ноту?» — так называется эта повесть.

Автор сам руководил одной из таких музыкальных школ.

Сейчас перед тобой новая книга писателя «Волшебный каннель». Каннель — эстонский народный инструмент, немного похожий своей формой на гусли — народный струнный инструмент, бытовавший когда-то на Руси. Но, называя свой сборник «Волшебный каннель», автор не имел в виду только этот инструмент, он подразумевал, давая сборнику такое название, то волшебство, которое всегда вызывает музыка, когда к любому инструменту прикоснутся искусные пальцы талантливого музыканта.

В книге есть сказка об инструментах современного симфонического оркестра с забавным названием «Как бы не так!». Если ты внимательно её прочитаешь, то поймёшь: автор хотел в ней рассказать не только о составе симфонического оркестра, об истории происхождения каждого инстру-

мента, но ещё и о том, что в оркестре нет главных и неглавных музыкальных инструментов. Для композитора, создающего оркестровые произведения, нужны и важны все инструменты без исключения. У каждого своя задача, своё звучание, свой тембр и краски, необходимые для полноты и яркости звучания всего оркестра.

И ещё ты узнаешь, какую важную роль во время исполнения музыкального произведения играет дирижёр со своей тонкой дирижёрской палочкой — «чуть длиннее обыкновенного карандаша», дирижёр помогает оркестру донести до слушателей замысел композитора.

Ты прочитаешь и о мастерах музыкальных инструментов — о создателе первой скрипки, о русском мастере струнных инструментов крепостном музыканте Иване Батове, о великих итальянских мастерах Никколо Амати и Антонио Страдивари, которые довели скрипку до величайшего совершенства.

Не стану пересказывать произведения из сборника Г. В. Абрамяна, но на одном из них всё же остановлюсь. Этот рассказ называется «Мечтатель». Он автобиографичен.

Вот так же, как в рассказе, мать Григория Владимировича провожала сына лютой зимой 1951 года из Баку в Москву. В рассказе ничего не говорится о том, что юноша, приехавший в Москву со своей скрипкой, легко и бедно одетый, прошёл суровый путь

на фронтах Великой Отечественной войны, был тяжело ранен, но, вернувшись обратно в Баку, решил стать скрипачом. После учёбы в Баку он поехал в Москву и там, испытав много трудностей и невзгод, всё-таки добился своего. Мечтатель стал не только скрипачом, но и автором многих детских книг.

С. Могилевская

Саламури

Два ашуга

В небольшом горном селении Армении, которое издали напоминало ласточкино гнездо, жил мальчик с задумчивыми синими глазами.

Он всё время смотрел на вершины гор и к чему-то прислушивался.

Взрослые поговаривали:

— Станный он какой-то! Уж не болен ли?

Лишь старый ашуг отрицательно качал головой. Едва ли кто на селе помнил, что у самого ашуга в детстве были такие же задумчивые глаза и он часами мог рассматривать горы и слушать, как поют ветер и горные ручьи.

И старый ашуг верил: наступит время, и люди будут гордиться маленьким синеглазым горцем.

Но пока самым почитаемым человеком на селе был он сам — столетний ашуг.

Слово «ашуг» — значит влюблённый. И называют так того, кто любит жизнь, свой народ и умеет слагать песни.

Много песен сложил и старый ашуг. Они слетали с его уст легко и просто, словно он всё время вёл с кем-то неторопливую беседу. Его голосу вторил музыкальный инструмент — кяманчá.

Мальчик слушал ашуга и его кяманчу и раскачивался в такт музыке.

Порой он едва слышно напевал, и тогда старый ашуг откладывал кяманчу и аккомпанировал мальчику хлопками в ладоши.

Однажды старый ашуг сказал:

— Я знаю, чего тебе не хватает, внучек. Сделаю-ка я тебе маленькую кяманчу и научу играть на ней.

Он достал из сундука давным-давно припрятанный ко-косовый орех, срезал верхушку и затянул отверстие куском высушенного рыбьего пузыря. Затем вырезал из грушевого дерева гриф — круглую палочку с отверстиями для колков — и приладил его к корпусу. Вдоль грифа он натянул струны и приделал к ореху тонкий шпиль с медным шариком на конце. Из гибкого кизилового прутика и пучка белоснежного конского волоса он сделал смычок.

Мальчик взял новую кяманчу, приложил шарик шпиля к колену и, подражая ашугу, провёл смычком по струнам...

Скоро люди в селении услышали новые песни.

Их пел мальчик с задумчивыми синими глазами. И песни под смычком его кяманчи рождались легко и свободно: он становился ашугом — человеком, влюблённым в свою Родину.

Саламури

Повстречались как-то на узкой горной тропе Пастух и Барс.

Испугался Пастух и от страха, сам не зная как, взлетел на выступ отвесной скалы. Следом прыгнул Барс.

Но острые когти зверя скользнули по крепкому камню, и он скатился обратно на тропу.

Зарычал Барс, словно пригрозил:

— Никуда не уйдёшь от меня, жалкий человечиска! Всё равно я тебя съем!

Пастух, чувствуя себя в безопасности, дерзко ответил:

— Попробуй-ка сначала достань!

— Ф-р-р-р... — не то рассердился, не то рассмеялся Барс и преспокойно улёгся посреди тропы.

Он положил голову на вытянутые лапы, смежил жёлтые мерцающие глаза и стал ждать.

Огляделся Пастух и понял, что попал он в западню: с трёх сторон пропасть, впереди — Барс.

Тут подул ледяной горный Ветер.

— Помоги мне, Ветер, — взмолился Пастух.

— Не могу я тебе помочь, — холодно прошумел Ветер.

Покружил Ветер над Пастухом, осыпал его сухими ветками, сбил с головы меховую папаху и исчез.

Стал Пастух отряхиваться и увидел стебель тростника, занесённый на крутую скалу Ветром.

«Смастерю-ка я себе дудуки», — подумал Пастух.

Он освободил тростник от внутренних перепонок, просверлил семь дырочек сверху и одну снизу, косо срезал один конец, чтобы удобнее было дуть, заткнул другой круглым камешком и заиграл.

От неожиданности Барс вздрогнул и поднял голову.

Много звуков было знакомо ему: треск сухих веток и грохот обвалов, крики птиц и возгласы испуганных людей, шум горных рек и вой ветра. Но от тихих, нежных звуков, которые он услышал теперь, непонятно замерло не знающее жалости звериное сердце, острые когти сами спрятались в подушечки тяжёлых лап.

Пастух заметил смятение Барса. Осторожно спустился он со скалы на тропу и, не переставая играть, направился мимо очарованного зверя к своему дому.

Барс хотел зарычать, но из его груди вырвалось какое-то жалкое мяуканье, и ни один мускул не напрягся на обмякшем теле...

С тех пор Пастух никогда не расставался со своим дудуки.

Он назвал его саламури, что означает сладкозвучный.

Может быть, именно с тех пор в Грузии на саламури играют все пастухи.

Пушка за спиной

Это было в те годы, когда азербайджанский народ боролся за Советскую власть...

В один из красных отрядов пришёл странствующий ашуг. Он был совсем молод, невелик ростом и не очень широк в плечах.

За спиной ашуга на тоненькой верёвочке висел тар, самый популярный инструмент азербайджанских ашугов.

Ашуг попросил у командира отряда винтовку.

— Зачем тебе винтовка? — сказал командир. — Ведь у тебя за спиной пушка! Твой тар можно превратить в грозное оружие, если умело им пользоваться. Ты пойдёшь по городам и аулам и будешь петь людям песни. Расскажи им о Советской власти, о Ленине, о наших старших братьях — русских, о Красной Армии, которую мы ждём. Поднимай народ на борьбу!

Ашуг понял командира. Он ходил по городам и аулам, рассказывал людям правду и призывал их к борьбе. Ему помогал звонкоголосый тар.

Но песни ашуга услышали и лютые враги Советской власти. Сначала они хотели переманить ашуга на свою сторону. Но ашуг не стал предателем. Тогда его посадили в тюрьму и приговорили к смертной казни.

Много дней и ночей провёл он в тюрьме в ожидании смерти...

Однажды на рассвете он вдруг услышал выстрелы, крики, конский топот. То красный командир со своим отрядом совершил налёт на тюрьму.

Ашуг вновь очутился в своём отряде. Но теперь у него не было тара.

Как-то ночью командир отряда послал двух бойцов в город. Наутро они вернулись со свёртком и положили его на грудь спящего ашуга.

Тот проснулся, ощупал свёрток и радостно вскрикнул: в свёртке был новый тар. Но какой! Корпус из двух шаровидных половинок, напоминающий восьмёрку, был щедро инкрустирован костью. Длинный широкий гриф с дольками-ладами был отделан перламутром. Головку тара украшали колки с вкрапленными в них камешками-самоцветами.

Ашуг прижал тар к груди и заиграл. Пальцы левой руки ловко скользили по перламутровым долькам-ладам. В правой руке, между большим и указательным пальцем, он крепко держал костяной ноготок — плектр, которым прикасался к струнам. Над грифом, чуть в стороне от всех струн, была натянута ещё одна струна. Во время коротких пауз ашуг задевал плектром эту струну, и одинокая струна тихо и вкрадчиво откликнулась: «Да-да-да-да...», словно подтверждала то, о чём рассказывал ашуг.

И ашуг снова отправился в нелёгкое странствие по городам и аулам Азербайджана...

Скоро в красный отряд один за другим стали приходить люди с оружием в руках.

Новый тар и новые песни ашуга верно служили его народу!

Случай на переправе

Был у нас в роте один солдат. До войны он учился в музыкальном институте и так замечательно играл на баяне, что один из бойцов как-то сказал:

— Братцы, это уму непостижимый обман! Наверное, в этом ящике спрятан какой-то хитрый механизм! Вот посмотреть бы...

— Пожалуйста,— ответил баянист.— Мне как раз пора мехи подклеить.

И у всех на глазах разобрал инструмент.

— Тю-ю,— разочарованно протянул боец.— Пусто, как в стрелянной гильзе...

Внутри баяна, между двух деревянных коробков, соединённых кожаными мехами-гармошкой, в самом деле было пусто. Лишь на боковых дощечках, там, где снаружи расположены кнопки-пуговицы, оказались широкие металлические пластины с дырочками разных размеров. За каждой дырочкой спрятана узкая медная планка-лепесток. При растягивании меха воздух проходит через отверстия и приводит в колебание медные лепестки. И те звучат. Тонкие — высоко. Потолще — пониже, а толстые лепестки словно поют басом. Если музыкант сильно растягивает мехи — пластинки звучат громко. Если воздух нагнетается слабо, пластинки колеблются чуть-чуть, и музыка получается тихой-тихой.

Вот и все чудеса!

А настоящим чудом были пальцы нашего баяниста. Удивительно играл, ничего не скажешь!

И это удивительное умение не раз помогало нам в трудной фронтовой жизни. Наш баянист и настроение вовремя поднимет, и на морозе греет — заставляет плясать, и бодрость в приунывшего вселяет, и довоенную счастливую юность заставит вспомнить: родные края, матерей и любимых. А однажды...

Однажды вечером по приказу командования мы меняли боевые позиции. В бой с немцами велено было ни в коем случае не вступать. На нашем пути протекала не очень широкая, но глубокая речка с одним-единственным бродом, которым мы и воспользовались. На том берегу остались командир и радист, они заканчивали сеанс связи. Их-то и отрезали внезапно нагрянувшие фашистские автоматчики. И хотя немцы не знали, что наши были на их берегу, переправу держали под огнём, и перейти брод не было никакой возможности. А когда наступила ночь, немцы стали освещать брод ракетами. Что и говорить — положение казалось безвыходным.

Вдруг наш баянист, ни слова не говоря, достаёт свой баян и начинает играть «Катюшу».

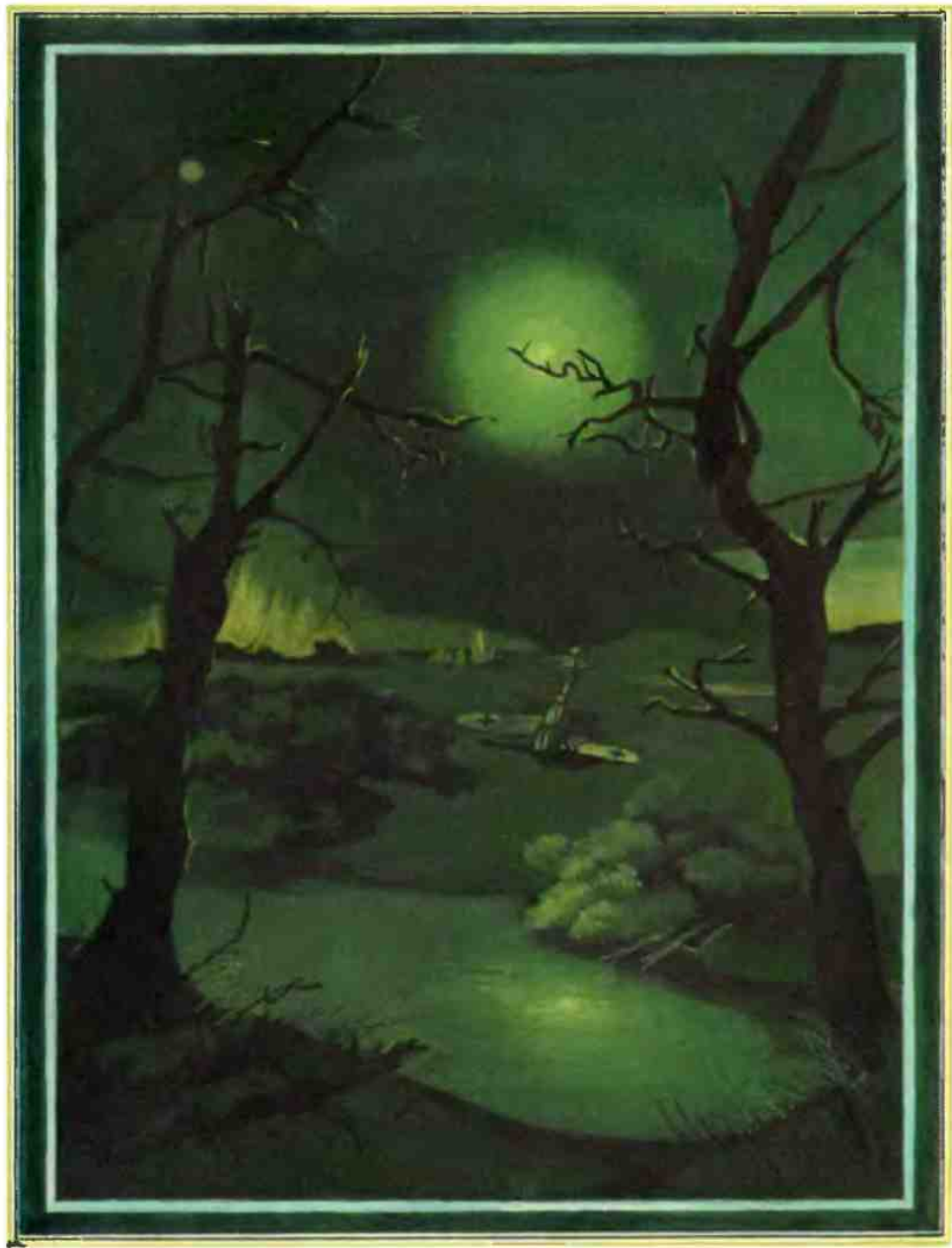
Немцы сначала опешили. Потом опомнились и обрушили на наш берег шквальный огонь. А баянист внезапно оборвал аккорд и замолк. Немцы перестали стрелять. Кто-то из них радостно завопил: «Рус, Рус, капут, баян!»

А с баянистом никакого капута не произошло. Заманивая немцев, он отполз вдоль берега подальше от переправы и снова заиграл задорную «Катюшу».

Немцы этот вызов приняли. Они стали преследовать музыканта, и поэтому на несколько минут оставили брод без осветительных ракет.

Командир и радист тотчас сообразили, для чего наш баянист затеял с немцами «музыкальную» игру, и, не мешкая, проскочили бродом на другой берег.

Вот какие случаи бывали с нашим солдатом-баянистом и его другом баяном, к слову сказать, названным так в честь древнерусского певца Б о я н а.

Аля-гайш

Однажды два старых бахши — так называют в Туркмении народных сказителей-певцов, мастерски играющих на дутаре, решили выставить на музыкальных состязаниях своих учеников. Учителя и ученики волновались одинаково. Кому достанется высший приз «Аля-гайш»¹?

Первый бахши задумал сделать для своего ученика такой дутар, чтобы ему не было равных: ведь хороший инструмент — всегда залог успеха! Он пригласил самых лучших мастеров и сам руководил работами. Вместо долблёного по старинке корпуса был сложен новый — из гнутых планок тутового дерева. Деку сделали значительно тоньше обычной, а жильные струны заменили металлическими, более звонкими.

Второй учитель-бахши не стал переделывать старенький дутар. Целыми днями он заставлял своего ученика разучивать всё новые и новые приёмы игры. От бесконечных упражнений пальцы ученика покрылись мозолями, а поясница болела так, словно он носил на спине мешки с камнями...

Состязание это трудное. Ведь каждому из соперников предстояло целую ночь петь достан — музыкальное произведение, состоящее из многих частей. А каждая новая часть поётся всё выше и выше, всё громче и громче.

¹ Аля-гайш — украшение для лошади.

Первая ночь состязаний досталась ученику с новым дутаром. И первые же звуки необычного инструмента покорили слушателей. Послышались восторженные восклицания, и воодушевлённый ими первый исполнитель достана пел и играл до самого рассвета.

— Аля-гайш! Аля-гайш! — закричал народ. — Слава мудрому бахши, сделавшему такой дутар!

Наступила вторая ночь состязаний. Всё ещё находясь под впечатлением прошлого достана, народ рассеянно слушал второго исполнителя.

Но вот шум постепенно затих, и на смену ему пришла такая тишина, что, казалось, остановился ветер, замерла степь, перестал стелиться ковыль, будто песня молодого бахши стала песней самой земли...

Давно уже наступил рассвет, и певец замолк, а слушатели всё молчали. И в этой благодарной тишине слышался голос первого бахши, обращённый к другому бахши:

— Я преклоняюсь перед твоим талантом, брат мой, — сказал он. — И хотя я шёл верным путём — улучшил звучание дутара, ты оказался мудрее и доказал, что главное в искусстве бахши — умение владеть дутаром. «Аля-гайш» должен принадлежать более достойному!

Сурнай

Однажды на глаза жестокому бейу попался бродячий музыкант.

— Играешь? — спросил его бей, а сам только и думает, к чему бы придаться.

— Играю, — гордо ответил бродячий музыкант. — Народу нравится.

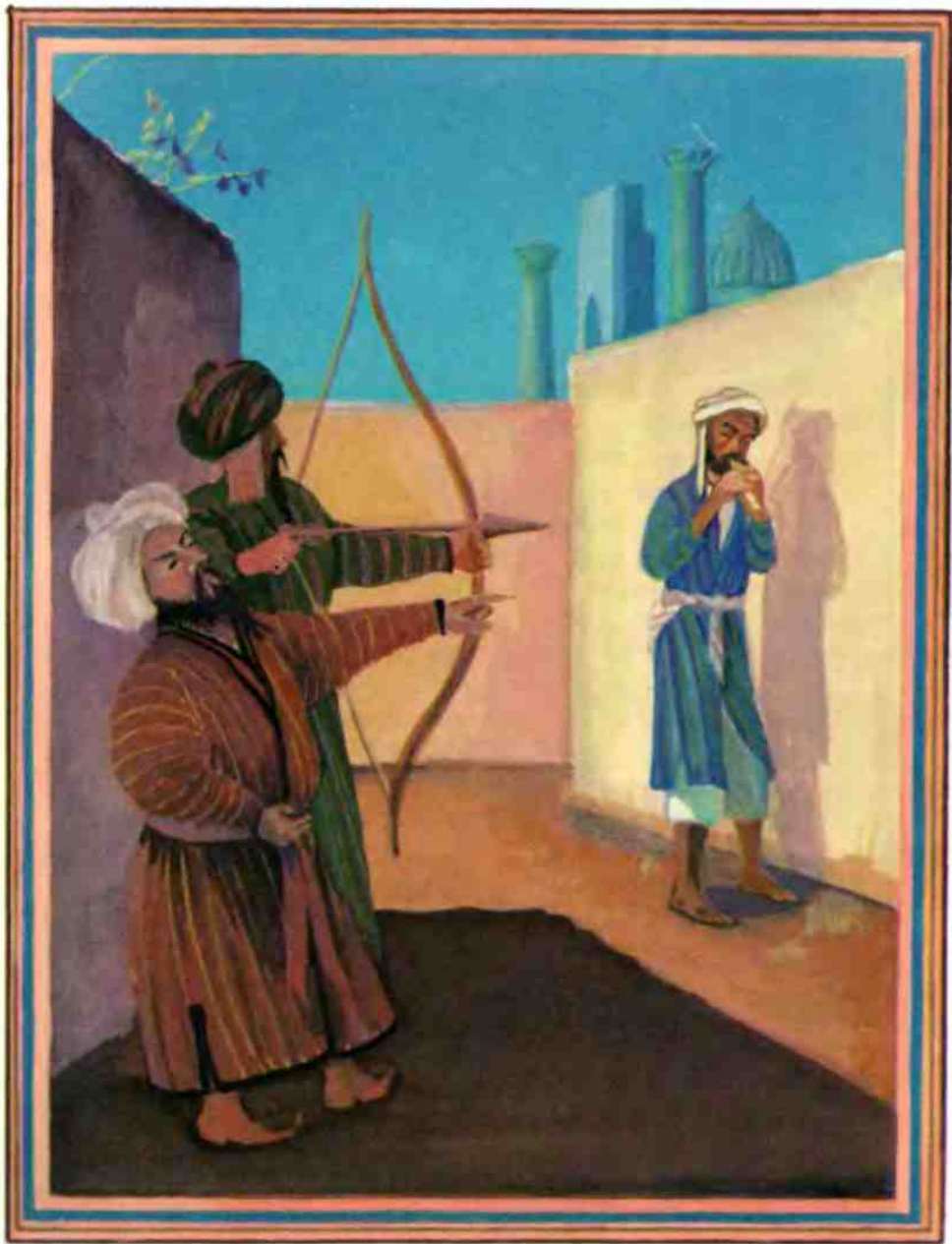
— Значит, нравится? Народу? — уцепился за ненавистное слово жестокий бей. — А меня не хочешь порадовать?

— Не знаю, бей, смогу ли? Я знаю, о чём думает мой народ, поэтому мне легко играть. А о чём думаешь ты — не ведаю...

Бей не любил музыки. Он предпочитал золото. Но слишком дерзким показался ему ответ бродячего музыканта, и в душе его закипела злоба.

— Играй! — потребовал он. — Посмотрим, на что ты способен. Только дуй в свой сурнай, не переводя дыхания. Если посмеешь хоть раз вздохнуть... Эй, — крикнул бей стражнику, — натяни тетиву лука и, если этот проходимец хоть раз вздохнёт, пускай в него стрелу!

Стражник отошёл на шесть шагов, до отказа натянул тетиву лука и направил ядовитое жало стрелы прямо в сердце музыканта...

А теперь, чтобы понять, что произошло дальше, необходимо рассказать о самом сурнае.

Сурнай — это полый отрезок абрикосового дерева длиной сантиметров пятьдесят. На нём шесть игровых отверстий на лицевой стороне и одно — на тыльной.

Звук сурная необычайно сильный и резкий. И дыхание должно быть сильным, а стало быть, и коротким. Вот почему требование бея было равносильно смертному приговору.

Но музыкант не растерялся. Он решил набирать воздух в лёгкие через нос и, постепенно сжимая раздутые щёки, гнать его в сурнай. А пока расходуется запас воздуха за щеками, набирать его снова в лёгкие через нос, не разжимая губ. Но для того, чтобы губы легче сдерживали напор воздуха и не выпускали его через рот, он надел на конец сурная круглую, как у детской соски, костяную пластинку.

— Начинай! — крикнул бей. — Что ты там возишься?

Бродячий музыкант начал играть, крепко прижимая губы к костяному кружочку.

Бей всё ждал, когда же, наконец, музыкант начнёт задыхаться и свалится, сражённый стрелой. Но видел только, как надуваются и раздуваются щёки играющего, а звук всё тянется и тянется без всякой передышки.

Вот уже и стражник стал изнемогать под напором натянутой тетивы. А музыкант и не думал переводить дыхания.

Наконец, ослабевшие руки стражника пустили стрелу в небо, и он без сил рухнул на землю. А у самого бея невыносимо заболела голова от ненавистной музыки.

— Уходи! — завопил он, зажимая уши. — Скорей убирайся, ты мне надоел!

Бродячий музыкант пошёл прочь, продолжая играть: ему не хотелось получить стрелу в спину...

Сказка сказкой, а ведь на народном инструменте узбеков сурнае и в самом деле играют не переводя дыхания.

Гигжак

Жил на свете бедняк — беднее не бывает. Достал он немного зерна, идёт домой, радуется: есть чем накормить ребятшек. Вдруг видит: стоит на дороге богач. Глаза так и бегают: чем бы поживиться?

— Моя дорога, — говорит. — Плати за то, что по ней идёшь! Плати или поворачивай обратно!

— Слава аллаху, какая удача! — воскликнул бедняк. — У меня как раз в кармане две дырки. Могу отдать одну. А хочешь, бери обе — я привык платить щедро!

— Чтоб душа у тебя провалилась в эти дырки, нечестивец! — рассердился богач, отобрал мешочек с зерном и приказал посадить шутника в глубокую яму.

«Эх, делать нечего, — решил тот, — буду песни распевать!» Повертел в руках свою походную палку с заострённым концом. Увидел в яме пустую банку из-под пороха и насадил её на палку. Выдернул из халата три шёлковые нити покрепче и протянул их вдоль палки. Потрогал натянутые струны — звучат! Жалобно так, тихо. Думает, петь станет, струн не услышит. Огляделся, смотрит: в яме валяется пучок конского волоса. Приладил он этот пучок к гибкому пруту — сделал смычок. Пробует. Звук тянется долго. Попадает в пустую банку из-под пороха и становится громким.

«Эх, хорошо! — радуется. — Ай, какой славный гиджак получил!»

Так бедняк до самого утра играл на самоделке и песни распевал.

Утром богач требует:

— Плати!

— С удовольствием, — отвечает бедняк. — За ночь у меня в кармане ещё одна дырка прибавилась.

— Грабитель! — затопал ногами богач. — Убирайся прочь!

— А мешок с зерном?

— Оалла-а-а! — запричитал богач. — Бывают же такие жадные люди! Мешок ему подавай! Пошёл с глаз долой!

Приходит бедняк домой. Дети есть просят.

— Нет у меня ничего, кроме этого гиджака, — грустно ответил бедняк. — Хотите, я вам поиграю?

Дети заревели в голос, а бедняк стал играть на гиджаке, чтобы душа не разрывалась от горя. Тут дети перестали глосить. Открыв рты, они слушали музыку.

— Отец, дай и я поиграю, — попросил старший.

— И мне! — крикнул младший.

— И мне, и мне, и мне! — закричали остальные.

Чуть не подрались. Пришлось сделать каждому по гиджаку — ровно одиннадцать инструментов.

Давно это было, может, сто лет назад, а может, больше. Сейчас в Таджикистане люди забыли о том, что такое голод. А гиджак и по сей день остался почти таким же. Только вместо пустой банки из-под пороха стали прилаживать к грифу половинку высушенной тыквы, кокосовый орех или выдолбленную древесину.

Виноградарь, флуер и скрипка

У одного виноградаря было два сына.

Оба весёлые и хорошие помощники отцу. К тому же превосходные музыканты.

Старший, Ион, играл на флуере — так в Молдавии называется флейта, а младший, Василе, на скрипке.

Однажды хозяин озера взял да и перекрыл канаву, по которой текла вода на поле виноградаря. И виноградник начал сохнуть.

Тогда виноградарь послал к хозяину сыновей. Прихватили они флуер и скрипку и отправились. А хозяин как раз навстречу идёт. И до того толст, что еле свой живот тащит. Засмеялись братья.

А хозяин на них прикрикнул:

— Чего гогочете, оболтусы? — и застонал: — Ох, ох, ох! Чего бы только не отдал, чтобы избавиться от проклятого живота!

— Хочешь помогу? — сказал Ион и достал из-за пазухи флуер. — Только уговор: пустишь воду на наш виноградник.

— Поможешь? Уж не с помощью ли этого кусочка бузины, из которой вырезана твоя дудка? — сердито буркнул хозяин. — Случайно, сам ты бузины не объелся?

Но Ион-то знал, что говорил. Ведь опытный музыкант —

каким и был Ион — сдобривает танцевальную музыку на флуере такими трелями и завитушками, что ноги сами начинают выписывать на земле замысловатые узоры. Только диву даёшься!

Так получилось и сейчас: едва Ион заиграл на флуере, хозяин пустился в пляс. Да так, что земля прямо задрожала под ногами. Сколько дней подряд плясал под флуер толстяк, неизвестно. Но в конце концов растряс свой живот, и следа от него не осталось.

— Хозяин,— сказал Ион, перестав играть.— Я выполнил своё обещание. Теперь очередь за тобой.

— Некогда мне! — отмахнулся хозяин.— Моя дочь Марица ест сейчас вишни. Пока я тут с вами болтаю, она может косточкой подавиться!

Поняли братья, что хитрит хозяин, и пошли за ним следом. А Марица, как увидела отца без живота, так и впрямь от удивления подавилась вишнёвой косточкой. Сидит ни жива ни мертва, слова вымолвить не может.

— Люди добрые! — завопил хозяин.— Помогите! Ничего не пожалею!

— Не верим тебе,— ответили братья.— Опять надуешь. Пуси сначала воду на виноградник, тогда и поможем. Нечего делать, пришлось хозяину уступить.

Тогда Василе вскинул скрипку на плечо и заиграл...

Водит смычком по струнам, а струны поют, соловьями заливаются, будто и других приглашают в свой птичий хор.

Марица не выдержала, открыла рот и запела: «Ля-ля-ля-а-а-а! Ля-ляй-ля-ля-а-а-а!»

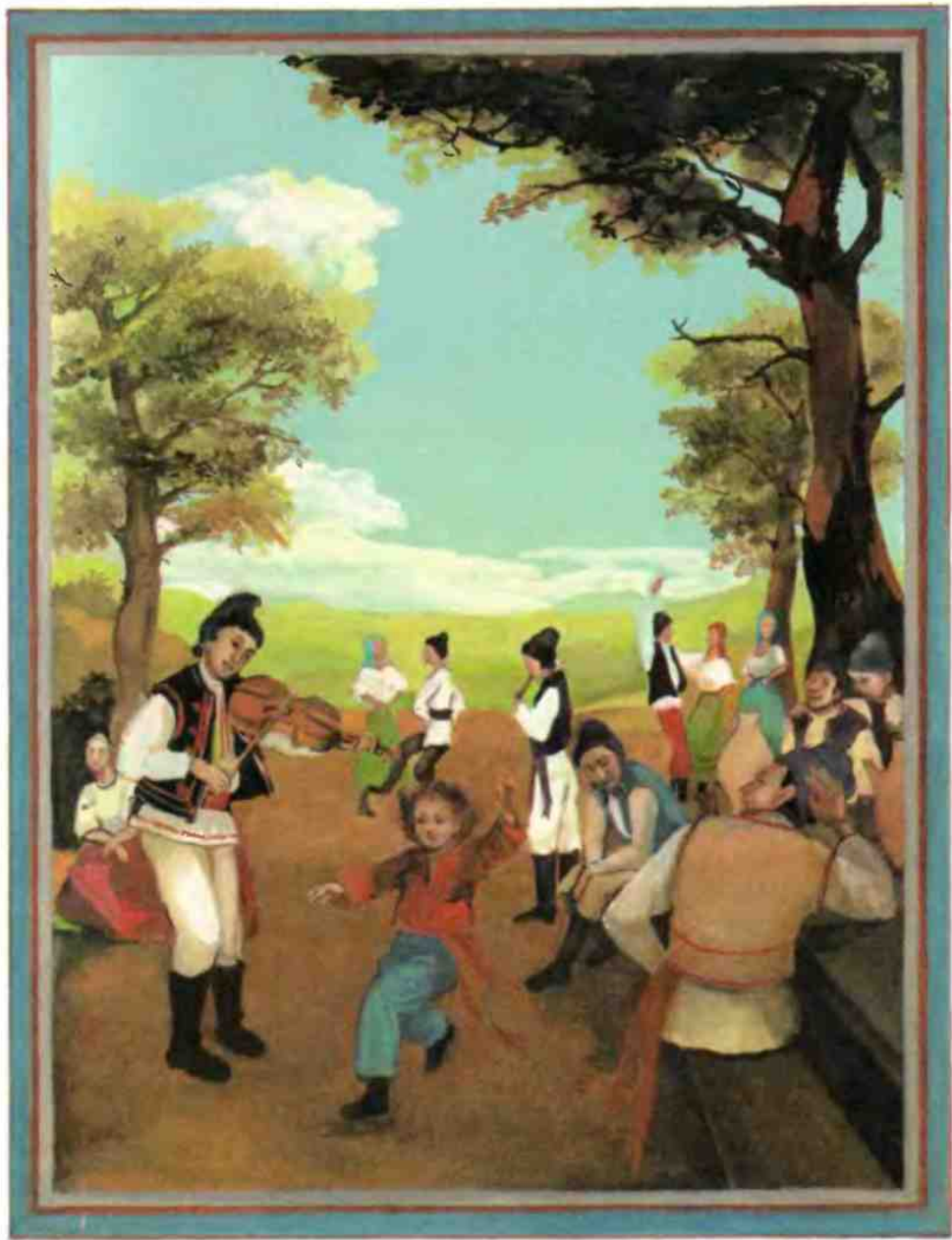
Как запела, так косточка пулей и вылетела из горла.

На том закончилась встреча весёлых братьев с жадным хозяином.

А виноградарь и его сыновья не могли нарадоваться: таким густым янтарным соком налились гроздья винограда на их винограднике.

Когда собрали урожай, всё село пело и плясало под звуки флуера и скрипки.

Да что там говорить! В Молдавии и по сей день ни один праздник не обходится без задорного флуера и певучей скрипки!

Волшебный каннель

Жил на свете юноша. Нрав у него был кроткий, а лицо до того некрасивое, что люди старались не смотреть на него.

Юноша редко покидал своё жилище — лишь на рассвете, когда уходил рыбачить в море. Остальное время он проводил в хижине, играя на пятиструнном эстонском каннеле.

А неподалёку в большом каменном доме жила девушка необыкновенной красоты.

Как-то раз, проходя мимо домика рыбака, она услышала звуки каннеля.

Девушка приникла к маленькому окошку. Увидела музыканта и невольно воскликнула:

— Как ты прекрасен!

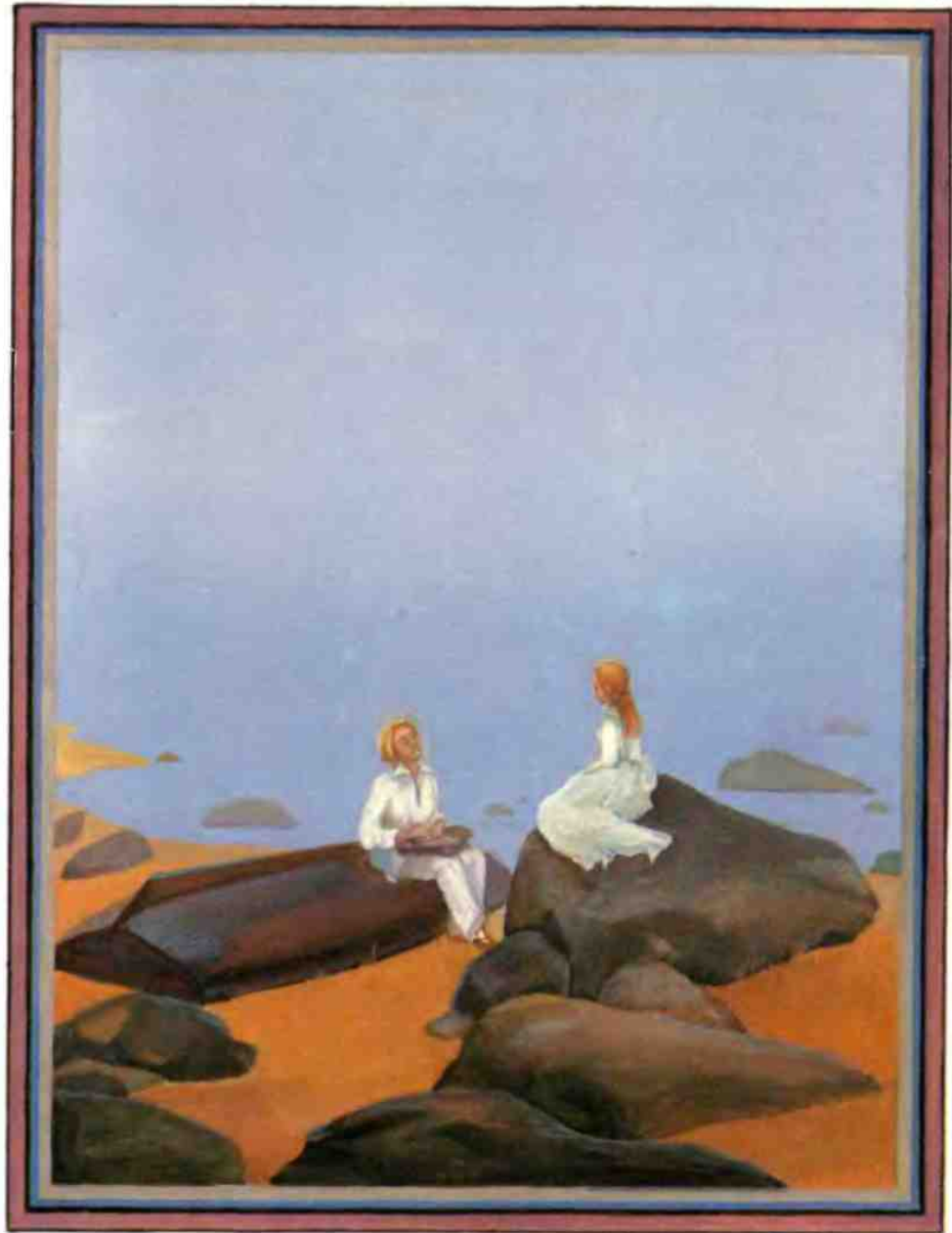
— Не смейся надо мной, — печально сказал юноша.

Но девушка и не думала смеяться. Просто музыка — и это истинная правда! — делает лицо музыканта прекрасным.

С тех пор девушка ежедневно приходила к хижине рыбака.

Когда отец девушки, местный помещик, узнал об этом, он отнял у юноши каннель, разбил его, а дочери запретил выходить из дома.

Но девушка отыскала обломки каннеля и отнесла их

каретнику — мастеру на все руки. И тот принялся... нет, не чинить — это было невозможно! — а делать новый инструмент.

Из бруска золотистого клёна он выдолбил крыловидный корпус. Вырезал из ясеня деку и покрыл ею чашу корпуса. Не жалея времени, выточил из ольхи тридцать фигурных колёчков, протянул тридцать струн из самых крепких воловьих жил и выкрасил их во все цвета радуги.

По вечерам девушка держала каннель на коленях, и крупные слёзы падали на ясеневую поверхность инструмента. Каждая слеза насквозь прожигала ясень, оставляя на деке золотую звёздочку.

Но сама девушка, что называется, таяла на глазах.

Напрасно отец устраивал для дочери балы и праздники. Напрасно музыканты ни днём, ни ночью не покидали дом. Музыка не радовала девушку. Музыка их была скучна и невыразительна.

И пришлось отцу позвать в дом юношу-рыбака.

— Фи, какой некрасивый! — зашептали дамы, гостившие в доме.

— Да он просто уродец! — возмутились кавалеры этих дам.

А девушка подала юноше каннель и тихо попросила: — Играй, играй, ты прекрасен!

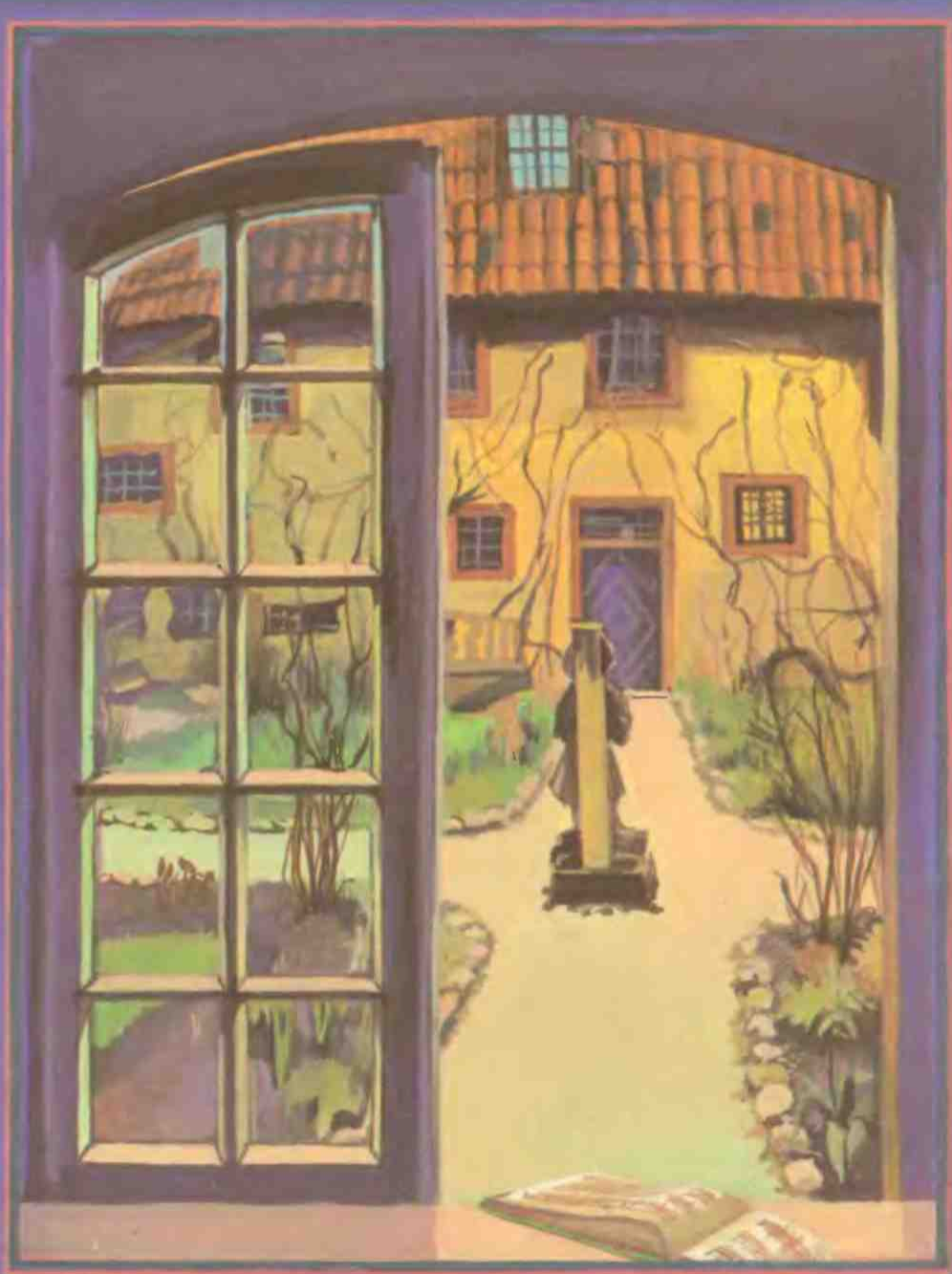
Юноша коснулся пальцами разноцветных струн и заиграл...

Звуки легко проходили сквозь золотые звёздочки, оставленные слезами девушки, и казалось, что играл не только каннель, а всё вокруг — хрустальные люстры, серебряные подсвечники. Всё пело вместе с каннелем.

Теперь никто уже не шептался и не злословил. Даже самые привередливые дамы вынуждены были признать, что музыка делает музыканта прекрасным, если, конечно, это настоящий музыкант!

Тетрадь Себастьяна

Как бы не так!

На улице было пустынно и тихо. Ночь осторожно прокрадывалась в каждый дом, и не было ни одного освещённого окошечка. Только высоко в небе сказочным фонарём висела круглая яркая луна. Её свет падал на витрину музыкального магазина и освещал полки, уставленные музыкальными инструментами.

Случайный прохожий остановился возле витрины:

«Что бы мне ему купить?» — стал размышлять он, думая о дне рождения внука.

Взгляд его остановился на нижней полке. Здесь он увидел красно-жёлтые скрипки, альты и виолончели. Рядом, словно шпаги, лежали длинные, тонкие смычки.

«Куплю виолончель», — решил прохожий и посмотрел на вторую полку.

На ней разместились деревянные духовые музыкальные инструменты: флейты, гобои, кларнеты и фаготы. От рожков до самого мундштука они были усыпаны светлыми кнопками, будто все они — и флейты, и гобои, и кларнеты, и фаготы — были в чёрных мундирчиках, плотно застёгнутых на все пуговицы.

«Нет, лучше я подарю ему кларнет!»

Но лунный свет, словно бы нарочно, коснулся третьей

полки, на которой лежали трубы, тромбоны, валторны и тубы. Прохожий невольно залюбовался их блеском. Казалось, что медь труб отражает не луну, а солнечное сияние — так ярко она сверкала.

«Решено, куплю трубу!»

И тут прохожий глянул на последнюю, четвёртую, полку. Он увидел там множество барабанов.

«Это как раз то, что нужно! — обрадовался он. — Куплю ему барабан. Вон тот, маленький...»

Приняв окончательное решение, прохожий отошёл от витрины.

Только он свернул за угол, как в музыкальном магазине стали происходить настоящие чудеса. Может, потому что слишком ярким был свет луны, а возможно — почему-либо иному...

Маленький Барабан, выбранный прохожим в подарок внуку, вдруг стукнул себя барабанной палкой по спине: тра-а-ак... В тишине магазина это прозвучало громче выстрела хлопушки.

— А-а, это ты, — сердито пробасил Могучий Контрабас, уютно прикорнувший в углу магазина. — Ни днём ни ночью нет от тебя покоя. А ну, повернись на бочок и спи, шалун!

— Трак-тара-так, как бы не так! — весело откликнулся Маленький Барабан. — Я самый главный музыкальный инструмент!

Контрабас лишь усмехнулся в ответ. Он и не собирался вступать в спор с известным на весь магазин болтунишкой Барабаном.

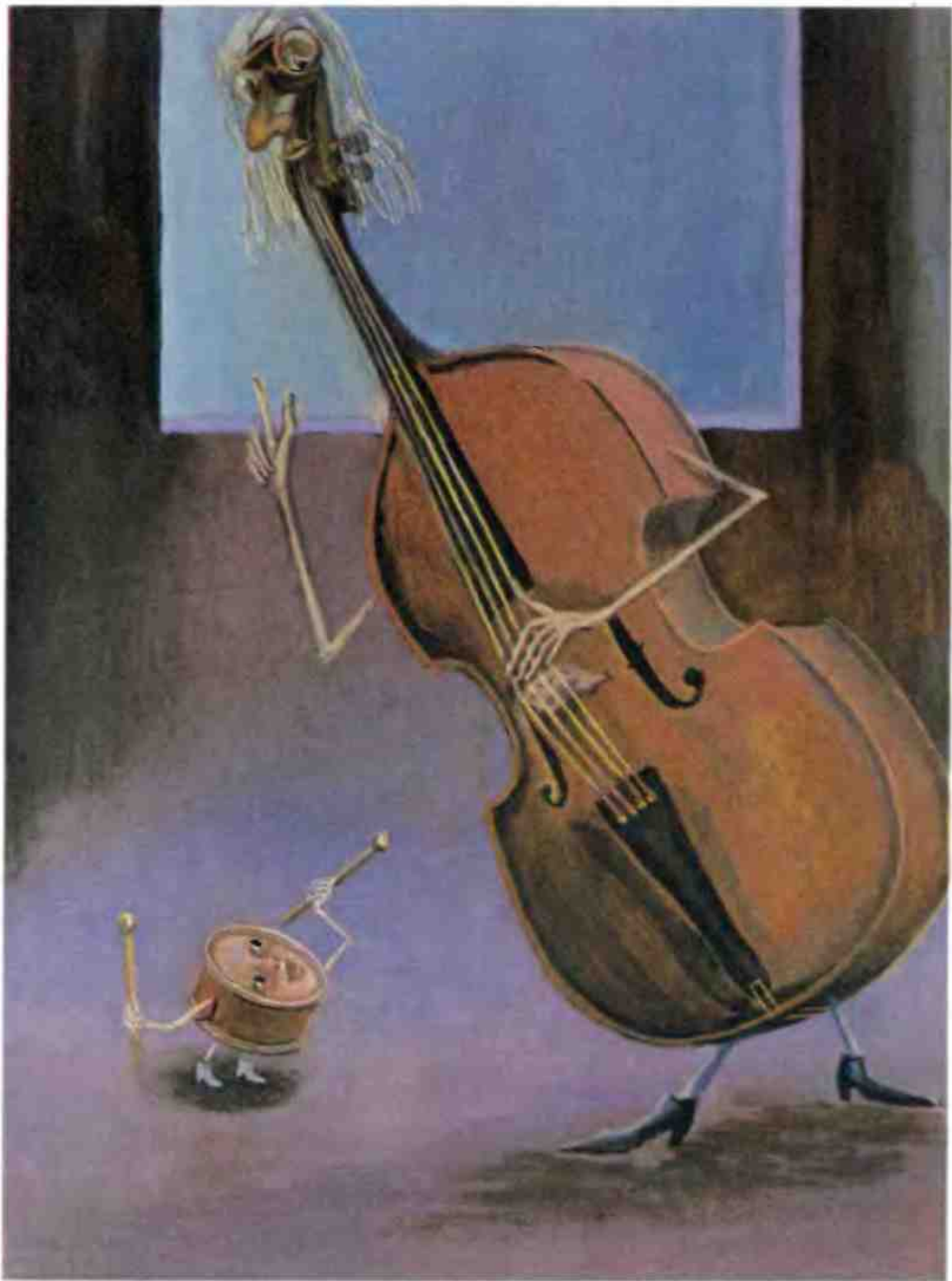
А тот продолжал весело тараторить:

— Вчера один малыш сказал отцу: «Папа, купи мне барабан, он самый главный музыкальный инструмент!»

Маленький Барабан торжествующе посмотрел на Контрабаса.

— Гм-м, — пробормотал Контрабас и не нашёлся что ответить. В раздумье он поднял смычок и слегка почесал им струны.

С его стороны, это было крайне неосмотрительно. Поднялся такой гул, что в магазине тут же проснулись все остальные музыкальные инструменты.

— Что за шум? — сонными голосами пропели Скрипки.

— Что такое? — гневно протрубили Трубы.

— Что случилось? — в один голос затянули Флейты, Гобои, Кларнеты и Фаготы.

— Нас покупают? — спросонья бумкнула Туба, похожая на огромную змею, свернувшуюся тугими кольцами. — Хорошо, если меня купит музыкант. А то вчера один бестолковый человек принял меня за самовар.

Тут Контрабас собрался с мыслями и пробасил:

— Барабан говорит, что барабан — самый главный музыкальный инструмент. Как вам это нравится?

— Нет, вы слышали что-нибудь подобное? — заволновалась Флейта. Она-то была убеждена, что главнее её нет и не может быть.

— Какое самомнение! — рывкнули Тромбоны с третьей полки. — Какая нескромность!

— Что здесь, в конце концов, происходит? — прогнусавил тугой на ухо Фагот.

— Тише, тише! — воскликнули Скрипки. Как известно, они не переносят шума. — Пусть уважаемый Контрабас расскажет всё по порядку.

Но Контрабас не успел и звука вымолвить. Его опередил Маленький Барабан, довольный тем, что поднял такой переполох. Он весело простучал:

— Бум-тарарам! Мы, барабаны, самые главные музыкальные инструменты. Не верите, спросите у любого малыша!

Мама Маленького Барабана, огромная, как котёл, Литавра, не замедлила вступить в разговор. Она отчаянно заколотила себя двумя палками, на концах которых были крепкие войлочные шишки, каждая размером с яблоко:

— Пр-р-р-авильн-н-но!

В магазине поднялся такой грохот, что прохожий, свернувший на соседнюю улицу, невольно посмотрел на небо: «Быть грозе!»

— Так! — гроыхнул Большой Барабан, папа Маленького Барабана, и как следует стукнул себя по макушке толстой барабанной палкой. — Так, и не иначе. Наш сын говорит чистую правду. Наш барабанный род самый древ-

ний. Когда на свете вообще не было никаких музыкальных инструментов, человек подошёл к сухому дуплистому дереву и стукнул по нему палкой. Бум!.. — громко отозвалось дупло. И это было так чудесно, что человек заплясал от радости!

Большой Барабан так разволновался, что скатился с верхней полки и, с ужасающим грохотом стукнувшись об пол, замолк.

Прохожий на соседней улице ещё раз глянул на небо и сказал:

— Кажется, пронесло...

А в музыкальном магазине заговорили все другие музыкальные инструменты.

— Я согласен с тем, что пустота порождает... пустой звук, — не очень громко, но довольно внятно и протяжно сказал Гобой. — О чём тут гроыхать?

Флейта, считая, что умеет говорить более изящными фразами, бесцеремонно перебила Гобоя:

— Может быть, древний человек и стучал палкой по сухому дереву. Возможно, он и плясал от радости, как наш уважаемый друг...

Флейта покосилась на Большой Барабан, который с помощью Литавры и Маленького Барабана, охая и вздыхая, пытался вскарабкаться на верхнюю полку.

Флейта хихикнула и затараторила дальше:

— И все-таки главные музыкальные инструменты — это мы, деревянные духовые: Гобой, Кларнет, Фагот и я. Но я особенная! Я произошла от Свирели, а они — от простой Дудки...

— Дудки, сударыня! Вы нас дудками не проведёте! — гроыхнул было Большой Барабан, но, охнув, схватился за помятые бока и снова скатился на пол. Флейта обиженно замолкла.

За неё вступился Кларнет. Кланаясь направо и налево, поминутно теребя пуговички своего чёрного мундира, он мягко и вкрадчиво сказал:

— К сожалению, мы не знаем имени того самого пастуха, которому пришла в голову мысль срезать кусок тростника и сделать из него дудку...

— Свирель, мой друг, Свирель,— вспорхнул голос Флейты.

— И Свирель,— согласился Кларнет,— что, впрочем, одно и то же. Таким образом, все мы — Флейта, Гобой, Фагот и я — произошли от Дудки...

Хотел ли Кларнет добавить что-нибудь, неизвестно. С третьей полки вдруг послышались чьи-то рыдания.

Это плакала Валторна, которая считалась королевой третьей полки.

Голос плачущей Валторны был так печален, что добрый, отзывчивый Контрабас не выдержал и тоже зарыдал.

— Ах,— стонала Валторна.— Неужели никто никогда не слышал, что мы, и только мы, медные духовые музыкальные инструменты — моя младшая сестрица Труба, мои старшие братья могучие Тромбоны и, наконец, добрейшая тётушка Туба,— что мы самые главные музыкальные инструменты...

Ворчун Фагот забрюзжал со своего места:

— Доказательства, где, я спрашиваю, доказательства? А? Что? Говорите громче, не слышу!

Тогда Валторна запела таким громким и решительным голосом, что все удивились: куда подевались её слёзы?

— Доказательства? — заявила она.— Извольте! Наш предок Лесной Рог известен под названием Вальт-Горн. Он висел на золотой цепочке у пояса Великого Охотника. Птицы, звери и даже рыбы хорошо знали его голос. Когда Вальт-Горн пел «Ту-у-у-у...», это означало: «Будьте бдительны, лесные жители, я приближаюсь». «Ту-у-у-у...» — и лес приходил в движение. Птицы улетали выше, звери убегали подальше, рыбы уходили поглубже, на самое дно лесных озёр. А заблудившиеся в непроходимой чаще охотники никогда не терялись, потому что их звал голос Вальт-Горна: «Ту-у-у-у...» — Валторна высокомерно огляделась и сказала: — Вам понятно, кто был родоначальником нашего славного медного семейства?

— Вот это история! — восхищённо пробасил Контрабас.

— История как история,— вступили в беседу Скрипки.— Нет сомнения, было сухое дуплистое дерево, был мудрый пастух, был знаменитый Вальт-Горн. Но вы забыли

вот о чём: где кончается одна история, там начинается другая... — Скрипки настроились как следует, наканифолили смычки и стройным хором запели: — Однажды человек увидел высоко в небе большую птицу. Он до предела натянул тетиву лука и пустил стрелу. И вдруг его поразило то, что отпущенная тетива запела. Тогда, забыв о добыче, он стал дёргать пальцем запевшую тетиву. Слушал и тихонечко подпевал...

В углу магазина стояла золотая многострунная Арфа. Всё время она скромно молчала. Но сейчас её струны зашелестели и голосом, похожим на вздох, она произнесла:

— Именно, именно. Слушал и подпевал. А потом прибавил к луку ещё одну тетиву. Потом ещё одну и ещё. И получилась Лира. А со временем и мы, Арфы...

— Но звук от щипка был слишком коротким и слишком тихим, — взмахнув смычками, вновь запели Скрипки. — И человек придумал смычок. И звук стал протяжным и певучим. Вот как произошли мы, Скрипки...

— И мы, Альты, — эхом отозвались Альты.

— И Виолончели, — мягко напомнили о себе Виолончели.

— И я! — пробасил Контрабас.

Рассказ Скрипок окончательно сбил всех с толку. Кто же, наконец, самый главный музыкальный инструмент?

И вдруг, откуда ни возьмись, появилась Дирижёрская Палочка. Тоненькая и маленькая — чуть длиннее обыкновенного карандаша. Но когда она постучала по краю прилавка, все музыкальные инструменты невольно замерли.

Вот что она сказала:

— Я, Дирижёрская Палочка, глава музыкальных инструментов. Я существую для того, чтобы дирижировать разными оркестрами. А вы все — Скрипки, Альты, Виолончели, Контрабасы, Флейты, Гобои, Кларнеты, Фаготы, Трубы, Валторны, Тромбоны, Тубы, Литавры и Барабаны — составляете с и м ф о н и ч е с к и й оркестр — самый замечательный, самый звучный и самый большой из всех существующих оркестров. Правда, сейчас вы — как бы сказать? — симфонический оркестр, разложенный по полочкам.

— Но нам необходимо выяснить, кто из нас самый глав-

ный музыкальный инструмент? — с нетерпением вскричала Валторна.

— Самый главный музыкальный инструмент в оркестре тот, на кого укажу я, Дирижёрская Палочка.

— Не могли бы вы указать нам это сейчас? — попросил Гобой.

— Могу и сейчас, — ответила Дирижёрская Палочка и, взметнувшись, показала в сторону первой полки.

И обитатели первой полки радостно запели.

Но мелодия их песни была настолько легка и прозрачна, что казалось, вот-вот оборвётся.

Тогда Дирижёрская Палочка призвала на помощь Контрабасы. И басы Контрабасов стали надёжной опорой мелодии Скрипок, Альтов и Виолончелей.

Но даже сейчас чувствовалось, что до настоящей музыки ещё далеко. Симфонический оркестр не может обойтись без печального звука Валторны, звонких призывов Трубы, могучих вскриков Тромбонов и коротких возгласов Тубы.

И Дирижёрская Палочка взмахнула в сторону третьей полки.

Теперь пел и ликовал почти весь музыкальный магазин.

Но ликовать было рано. Нет-нет да кто-нибудь сбивался с такта и сбивал других. Вот тогда Дирижёрская Палочка пустила в дело Литавры и Барабаны, которые стали чётко отбивать ритм. А без ритма, как известно, нельзя обойтись, потому что без ритма нет музыки.

— Теперь вы поняли, кто самый главный? — спросила Дирижёрская Палочка, порхая перед всеми четырьмя полками.

— Мы главные! — пели струнные инструменты с первой полки.

— И мы главные! — вторили им деревянные духовые со второй полки.

— И мы тоже главные! — громче всех отозвались медные на третьей полке.

— Но и без нас вам некуда деваться! — ещё громче застучали Барабаны. — Вы забыли, что без ритма нет музыки? А кто лучше всего поддерживает ритм? Мы, ударные музыкальные инструменты.

Между тем музыка становилась всё громче и красивее, потому что Дирижёрская Палочка знала своё дело. И выходило так, что все музыкальные инструменты были самыми важными и самыми главными.

Прохожий на соседней улице забеспокоился. «Наверное, кто-то включил на полную мощность радиоприёмник,— подумал он.— Но это же явное нарушение общественного порядка!» Он подбежал к витрине музыкального магазина — музыка ведь доносилась оттуда! — заглянул внутрь и... ничего особенного не заметил.

Как раз в это время часы пробили три раза, и лунный свет погас.

Прекратились и чудеса в музыкальном магазине...

Когда утром магазин открылся, все музыкальные инструменты лежали на своих полках. Только Большой Барабан оказался на полу, потому что так и не смог вскарабкаться на четвёртую полку.

— Бедняга, скатился ночью на пол,— сокрушённо покачал головой продавец.— Наверное, я его плохо установил.

А музыкальные инструменты незаметно перемигнулись. «Ничего,— думал каждый из них.— Поломанный Барабан починят, зато теперь мы знаем, что в оркестре каждому музыкальному инструменту найдётся главное место. Важно дожидаться, когда Дирижёрская Палочка обратится к тебе, и ты запоёшь ту мелодию, которую для тебя написал сочинитель музыки — к о м п о з и т о р.

Лишь Маленький Барабан, наделавший столько шума, упорно стоял на своём. Когда утром его звук проверял первый покупатель — прохожий, обдумывавший минувшей ночью подарок внуку,— упрямец Барабан дерзко воскликнул:

— Трак-тара-так, как бы не так!

Но кого он мог обмануть? Разве только какого-нибудь малыша, которому в день рождения дарят барабан...

Шут Триболе

— Внимание! Внимание! Сегодня, как и вчера, его величество король Франции, первый музыкант среди королей и первый король среди музыкантов, исполнит на виоле новые танцы! Жигу! Бурре! Гавот! Сарабанду! Куранту! Экосез! Контрданс! Спешите, спешите, торопитесь, не опоздайте... покрепче заткнуть уши воском!

Шут не шутил. Король в самом деле больше всего на свете любил музицировать. А музыка в те далёкие времена сплошь состояла из форшлагов, мордентов, группетто и трелей. Что это такое? Узоры, завитушки, вензелёчки, украшения. Одним словом, сплошные кружева из звуков, если, конечно, так можно выразиться.

Король часами плёл на виоле эти кружева, исподтишка присматриваясь и прислушиваясь к тому, что творится вокруг.

Вот что при этом думал не очень умный и очень немusicalный король: «Если слушатели молчат — плохо. Если же моя музыка им нравится — они не в силах сдержать восторга и торопятся высказать свои чувства друг другу вслух».

Впрочем, придворные отлично понимали, чего ждёт от них король, и старались как могли. Пока король играл, они

вовсю шептались о... погоде, о нарядах, о предстоящем бале, о коварстве шута Триболé, о глупости королевы и даже о самом короле! Словом, о чём угодно, только не о музыке.

Единственный, кто по-настоящему страдал от всех этих форшлагов, мордентов, группетто и трелей, был шут Триболе. Музыка лезла ему, что называется, прямо в уши: ведь в его обязанности входило переворачивать королю ноты. И хотя у шута у самого всё переворачивалось внутри, он вынужден был терпеливо листать страницу за страницей, проклиная в душе мастера, сделавшего королю эту несносную виолу.

Время от времени шут исподтишка портил королевскую виолу. Но каждый раз мастер присылал во дворец новую, ещё более красивую, украшенную резьбой, перламутровой инкрустацией и отделанную слоновой костью.

К сожалению, новая виола звучала в руках короля по-старому. А между шутком и мастером возникла упорная незримая борьба: один ломал, другой делал заново. И всегда победа оставалась на стороне мастера. Это-то и бесило больше всего шута. «Ну погоди-и-и! — думал он. — Ты ещё попадёшься мне на язык!»

А королевский мастер, по имени Каспар Дуифопруггар, жил на другом конце королевства и даже не подозревал, сколько неприятных минут он доставлял Триболе. Но если бы шут знал Дуифопруггара, он сказал бы о нём: «Вот кто поистине первый мастер среди музыкантов и первый музыкант среди мастеров!»

Но Триболе никогда не видел и не слышал мастера, а Дуифопруггар ничего не знал о шуте Триболе.

Не в пример королю, Каспар Дуифопруггар прекрасно владел игрой на лютнях и виолах. А какие он делал инструменты! На его виолах играл не только король, но и лучшие музыканты королевства — люди, понимающие толк в музыке!

И все были одинаково довольны инструментами мастера, все, кроме шута Триболе и... самого мастера. Ну, до поры до времени, шут не в счёт. Что же касается мастера, то настоящие мастера никогда не довольны своей работой. И удивляться этому нечего.

Каспару Дуифопруггару давно уже перестал нравиться слишком тихий и безжизненный звук виол.

«Разве это звук? — рассуждал мастер. — Не лучше того, который издаёт гребешок, приставленный к губам!»

Дуифопруггар мечтал построить такой музыкальный инструмент, в корпусе которого рождалось бы настоящее человеческое сопрано. И он точно знал, что в первую очередь следует изменить форму виолы.

По ночам Дуифопруггар делал расчёты и чертежи, а днём брался за пилку и стамеску. Он уже и название придумал будущему инструменту...

Пока король, к неудовольствию шута и безразличию придворных, играл на своей виоле, Дуифопруггар ежедневно выметал из мастерской целую гору опилок, стружек, обрезков, обрубков. Иногда он пробовал играть на только что сделанном инструменте. Но, судя по всему, опять был чем-то недоволен — звуки неожиданно обрывались и мелкие обломки деревянных деталей вылетали в окно.

Но вот однажды наступил такой день, когда мастер воскликнул:

— Наконец-то!

В корпусе нового инструмента возникло настоящее человеческое сопрано.

Это была первая скрипка...

Она мало чем напоминала разнаряженную королевскую виолу. Скрипка была удлинённой формы, с узкой талией, длинной шейкой, скромным завитком на маленькой головке и без единого украшения.

На первый взгляд она невыгодно отличалась от виолы, и Дуифопруггар не торопился показывать её во дворце.

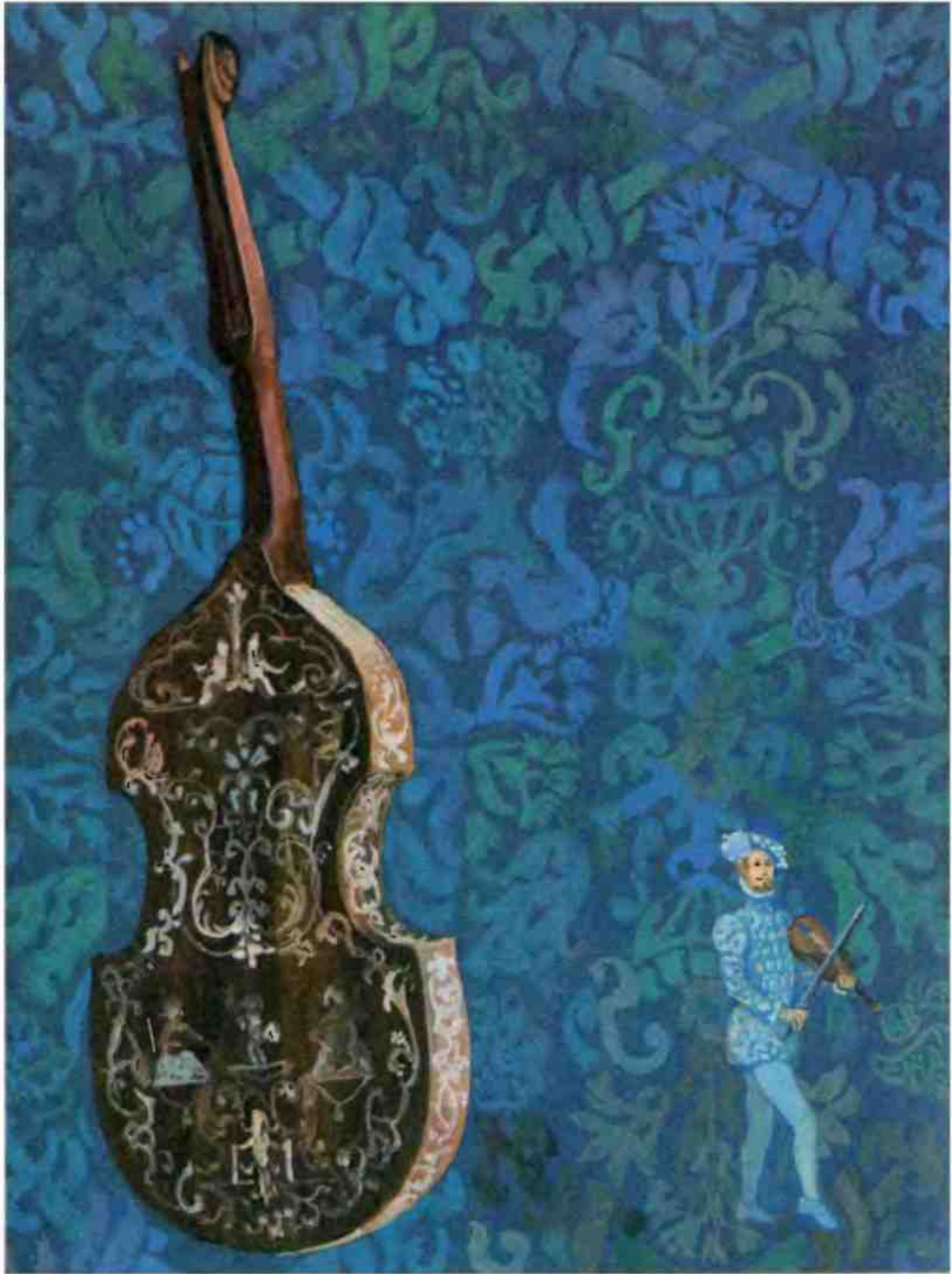
И всё-таки король узнал о скрипке.

Он потребовал мастера к себе.

«Наконец ты мне попался! — подумал шут Триболе. — Теперь-то я с тобой разделаюсь!»

Между тем его величество взял в руки скрипку и поморщился: слишком уж простым и убогим показалось ему творение мастера.

— Ваше величество, — сказал Дуифопруггар, — дело в том, что скрипка — совершенно новый музыкальный инструмент...

— Дело в том, что ты изуродовал королевскую виолу! — послышался ехидный возглас шута.

— Вы только подумайте! Изуродовал королевскую виолу! — не замедлил откликнуться один из придворных.

— Этот безумец изменил форму королевской виолы! Ну, знаете!!! — воскликнул второй.

— И название противное. Что это такое — скрипка? — пискнул третий.

— Запретить их изготовление! — понеслось со всех сторон.

— Лишить Каспара Дуифопруггара звания Мастера его величества!

— Изгнать наглеца из королевства! — уже хором кричал весь королевский двор.

С губ короля готов был сорваться окончательный приговор.

Но тут его взгляд нечаянно упал на обратную сторону инструмента. Его величество разглядел нарисованную золотом королевскую корону с королевскими инициалами.

Это королю понравилось. Он одобрительно кивнул головой и милостиво решил попробовать музыкальные достоинства скрипки.

Но первый же звук одинаково потряс и короля, и мастера, и шута, и всех придворных. Он был... Нет, ничего противнее нельзя себе и представить!

— Однако! — гневно воскликнул король.

— Ха! Ха-ха-ха! — вдруг залился хохотом шут Триболе.— Его величество играет на собственной бороде!

Король скосил глаза и в самом деле увидел на своей бороде белый след от канифоли, которой натирают смычок.

И всё сразу объяснилось: играя на виоле, которая спокойно лежала на плече, король мог крутить бородой сколько угодно. А для того чтобы удержать скрипку, ему пришлось крепко прихватить её подбородком. Вот королевская борода и легла прямо на подставку для струн, и смычок с ужасающим скрипом проехался по этой самой бороде.

Король так рассердился, что неожиданно для себя самого произнёс несколько слов подряд:

— Удлинить скрипку до размера моей бороды!

— Проще укоротить бороду, чем удлинить скрипку,— по привычке сострил Триболе.

— Однако! — сурово воскликнул король, поворачиваясь к шуту.

Придворные ахнули и решили, что с Триболе, наконец, покончено.

Величайшая дерзость шута имела невероятные последствия: король крикнул... брадобрея, и борода его величества была укорочена до размера маленького клинышка.

Самые ретивые подданные короля немедленно помчались укорачивать свои бороды, а все будущие короли Франции вместе с французским королевством унаследовали бородку клинышком.

Самоотверженность короля была тотчас вознаграждена: мастер исполнил на скрипке дивертисмент — короткую, но необычайно приятную пьесу.

И скрипка пела настоящим человеческим сопрано, в чём мог усомниться только глухой.

Но увы! Королю не дано было это понять. Вслушиваясь в непривычные звуки диковинного инструмента, он лишь капризно надувал губы.

Придворные, как всегда, не столько слушали музыку, сколько следили за настроением своего короля.

А Триболе... Что это с Триболе?!

Бедный шут, готовый, по обыкновению, отпустить одну из своих коварных шуток, замер, прислушиваясь к звукам скрипки. Он застыл с раскрытым ртом, словно эти звуки лишили его дара речи. Его лицо выражало изумление. Он стоял как громом поражённый, вдруг поняв, какую силу и власть заключает в себе необыкновенный голос необыкновенного инструмента. Даже придворные один за другим отворачивались от короля, замороженные скрипкой...

Но вот скрипка смолкла.

Придворные пугливо переглянулись и, уставившись на недовольное лицо его величества, в один голос принялись громко и злобно роптать. Новый инструмент Дуифопруггара ругали все кому не лень.

А король, считавшийся только с мнением шута, искоса поглядывал на Триболе.

Тогда Триболе с небывалой для него почтительностью сказал:

— Ваше величество, я знаю: вас смутил слишком громкий голос скрипки. Но она, наверное, создана не для этой маленькой гостиной...

— Да-да! — радостно подхватил Каспар Дуифопруггар.— Ей нужен простор, нужна свобода, нужен большой зал и множество слушателей.

— И верноподданные отныне смогут выражать свой восторг не шёпотом, а во весь голос,— продолжал шут и многозначительно посмотрел на затихших придворных: уж он-то знал, о чём шепчутся под королевскую музыку!

Придворные вовремя сообразили, что с шутком шутки плохи, и в один голос принялись расхваливать звук скрипки:

— Прелестно, ваше величество!

— Изумительно, ваше величество!

— Восхитительно, ваше величество!

С тех пор король совсем забросил виолу и играл исключительно на скрипке. И не только король, но и все музыканты королевства.

А вскоре скрипка и вовсе завоевала весь мир.

Теперь придворные короля могли разговаривать в полный голос, так как звук скрипки в самом деле был необычайно сильным.

Но он был и прекрасным, как настоящее человеческое сопрано.

И первым это понял королевский шут Триболе.

Может быть, поэтому на одной из пяти сохранившихся до наших дней скрипок французского мастера Каспара Дуифопруггара вместо обычного завитка на головке вырезана голова шута Триболе.

Во всяком случае, когда четыреста пятьдесят лет тому назад эту скрипку Каспар Дуифопруггар подарил королевскому шуту, придворные с недоумением смотрели на резную голову Триболе и пожимали плечами:

— Да, но при чём здесь шут?

Бель канто

Граф Шубин коллекционировал музыкальные инструменты. Правда, он предпочитал музыке охоту на зайцев, но нужно же было не ударить в грязь лицом перед соседями!

Однажды в Генуе шустрый итальянец, торговец скрипками, привёл графа к дому Никколо Паганини.

Час был поздний. Дом стоял погружённый в темноту и казался вымершим. Но до слуха пришельцев доносились звуки скрипки.

— Наш Никколо играет всю ночь напролёт, — с гордостью произнёс итальянец. — Говорят, что он никогда не ложится спать. Работает, работает, работает, как одержимый. Некоторые считают его дьяволом — такие невероятные вещи он выделывает на своём Гварнери...

— Послушайте, любезнейший, — перебил граф, — надеюсь, вы не забыли о цели нашего прихода?

— Сию минуту, синьор, я сейчас! — воскликнул торговец.

Не успел граф глазом моргнуть — итальянец исчез. Моргнув ещё раз — тот снова появился, на сей раз в сопровождении какого-то оборванного мальчугана.

Оборвыш провёл их в дом. Втроём они медленно карабкались вверх по скрипучей лестнице. В темноте граф то и дело спотыкался и бормотал проклятия. Он готов был на всё мах-

нуть рукой, отказаться от этой сомнительной затеи и повернуть назад. Но звуки скрипки становились всё слышнее и слышнее. Они притягивали к себе и, наконец, привели к низкой тяжёлой двери.

— Сюда, — шепнул провожатый. — Дверь не заперта!

Мальчишка получил монетку и быстро зашлёпал босыми ногами вниз по лестнице.

А торговец, поправив под мышкой скрипичный футляр, толкнул дверь, и они очутились в комнате Паганини.

Великий музыкант, худой, высокий, взлохмаченный, сутулясь и широко раскачиваясь, играл на скрипке. Позади него горела свеча. Фантастические тени металась по стенам, и казалось, что они пляшут под музыку Паганини.

«И впрямь дьявол, прости господи!» — подумал граф и украдкой перекрестился.

Паганини наконец заметил непрошенных гостей. Он нахмурился и перестал играть.

Ловкий торговец выхватил из футляра скрипку и, протягивая её Паганини, затараторил:

— О, синьор, простите меня за дерзость, но уважаемый граф из России не верит, что это скрипка мастера Гварнери дель Джезу. Он даже не верит этикетке с эмблемой иезуитского монашеского ордена и требует других доказательств. Я бы с удовольствием проводил бы графа к самому Гварнери, но тот скончался, не дождавшись дня рождения графа...

Паганини жестом остановил торговца, молча взял в руки скрипку, вскинул её к плечу и начал играть...

Граф внимательно следил за лицом Паганини. По нему он пытался понять то, что не мог определить на слух.

А Паганини опустил скрипку и тихо сказал графу несколько слов.

Граф расслышал только два из них — «б е л ь к а н т о», что по-итальянски означает «п р е к р а с н о е п е н и е».

Граф учтиво поклонился. А торговец оттеснил графа и о чём-то стал умолять Паганини. Тот пожал плечами, отошёл к столу, где горела свеча, и склонился над скрипкой.

Потом повернулся к графу и кивнул ему головой, давая понять, что хочет остаться один.

Граф и торговец вернулись в гостиницу, где остановился

Шубин. Сияющий итальянец показал графу надпись, слегка нацарапанную на скрипке: «bel canto». Чуть пониже виднелась роспись великого артиста.

Без лишних слов граф отсчитал 100 золотых монет.

Но торговец мотнул головой:

— Э-э, нет, синьор, об этой цене мы договаривались раньше. Теперь скрипка стоит 200!

Граф невольно засмеялся. Продолжая отсчитывать монеты, он приговаривал:

— Вот шельмец! Каков, а? Ах, жулик, жулик, управы на него нет!

Покончив с делами, граф Шубин вернулся из Италии в Россию.

По дороге он не поленился и сделал большой крюк, чтобы заехать в соседнее поместье. Ему не терпелось сообщить соседу о своём приобретении. У того была огромная коллекция музыкальных инструментов самых знаменитых мастеров из Венеции, Милана, Рима, Болоньи, Тироля, Голландии, Саксонии и, конечно, из Кремоны. А вот скрипки Гварнери дель Джезу в его коллекции не было.

Услышав новость, сосед поперхнулся и чуть не расплескал кофе на белый кружевной воротник.

А граф поднялся и, любезно откланявшись, уехал.

И только тогда, когда все окрестные помещики были осведомлены о скрипке и приглашены на концерт, граф вернулся в своё поместье.

Он велел кликнуть крепостного музыканта-скрипача, а заодно собрал всех домочадцев, чтобы и они стали свидетелями его удивительной покупки.

Граф торжественно открыл футляр и... ахнул: на скрипке, во всю длину верхней деки, зияла трещина. Она светлела на тёмном лаке инструмента открытой раной.

По приказу графа скрипач коснулся смычком струн.

Скрипка задрезжалась, издавая слабый хриплый звук. Трудно было поверить, что совсем недавно она пела красивым сильным голосом.

Граф представил себе ликование соседей и пришёл было в отчаяние, как вдруг вспомнил о Петре Фролове — крепост-

ном мужике, который состоял мастером при графском оркестре.

Фролов, по велению графа, ездил в Москву на учение к Василию Владимирову и был хорошим мастером.

Граф немедленно потребовал Фролова к себе.

— Вот скрипка итальянского маэстро Гварнери,— сказал он мастеру.— Нужно тон ей вернуть и прежнюю силу звука. Сможешь?

Фролов бережно взял скрипку и долго осматривал её.

— Беда, ваше сиятельство,— сказал он.— Пружина лопнула. А клею её сверху не возьмёшь. Придётся деку вскрывать...

— Допустим, допустим,— нетерпеливо согласился граф.— Значит, вернёшь ей тон?

— Отчего не вернуть? — без колебания ответил Фролов.— Дайте только срок.

— На завтра я пригласил гостей,— сухо ответил граф.— Изволь приготовить скрипку ко времени. И смотри у меня: не успеешь или что не так сделаешь — ответишь головой!

Фролов хорошо знал крутой нрав своего хозяина, поэтому тотчас вернулся в мастерскую и принялся вскрывать верхнюю деку инструмента.

За всем, что делал Фролов, напряжённо следил Антошка — двенадцатилетний подросток, единственный сын и помощник мастера.

Когда Фролов снял деку, Антошка воскликнул:

— Гляди, тут какая-то печатка!

— Где? — спросил Фролов.— Ничего не вижу.

— И я ничего не вижу,— смутился Антошка, тараща глаза на совершенно чистое дерево.— Только что видел...

— Померещилось, значит.

— Ей-богу, не померещилось! Она мелькнула и исчезла.

Фролов вертел деку во все стороны и готов был уже отругать Антошку за то, что попусту тратит из-за него драгоценное время, но осекся и удивлённо сказал:

— И правда, что-то есть...

При боковом освещении, под определённым углом зрения, в верхней части внутренней стороны деки виднелась печатка величиной в пять-шесть миллиметров.

Фролов взял в руки увеличительное стекло, снова поймал глазом печатку и стал внимательно её изучать.

В прямоугольнике крохотного штампика он разглядел два русских слова, едва тиснённых на дереве.

— Батюшки мои! — вскричал он. — Да это же скрипка Ивана Батова — шереметевского крепостного! Здесь так и написано: «ИВАН БАТОВ». Мы с ним у Василия Владимировича учились в Москве. Уже тогда был Иван силён в скрипичном мастерстве. А Владимирович говорил: «Дайте срок, и о Батове, как о Страдивари, легенды начнут складывать...» Знать, не ошибся Владимирович.

— Зачем же ему было своё имя тайком ставить? — спросил Антошка. — Зачем подписываться чужим?

И Антошка узнал от отца, что граф Шереметев отпустил Батова в Петербург на оброк. Переехав в город, Батов открыл там мастерскую и принялся за работу. А любил он в работе аккуратность, законченность. С каждой деталью возился, словно с драгоценным камнем, и добивался во всём чёткости и совершенства. Красоту чувствовал и понимал как настоящий художник.

Другой мастер в месяц четыре скрипки сделает, а Батов в четыре месяца едва одну закончит. Выполнит работу, а покупателя нет. Кому, спрашивается, нужен инструмент неизвестного мастера?

Тогда Батов придумал хитрость: сделает скрипку и прилепит этикетку со знаменитой итальянской фамилией. А для проверки отдаёт покупателю в тот самый момент, когда тому предлагают другую — итальянскую, скажем, Гваданини, Бергонци, Амати или даже самого Страдивари. Музыкант пробует все подряд, сравнивает, советуется со знающими людьми и теряется в догадках, какую брать. Иногда выбор падал на батовскую скрипку...

Много таким образом инструментов Ивана Батова разошлось по белому свету. Но, видно, стало жалко ему, что слава русского мастерства исчезает бесследно. Вот он и придумал тайную печатку. Для потомков...

— Вот какие, брат, дела, — закончил Фролов и добавил: — Пойду-ка я доложу обо всём его сиятельству. Нельзя такое скрыть от русского человека...

Но Фролов ошибся. Граф Шубин не обрадовался. Напротив, он пришёл в ярость и затопал на мастера ногами.

— Вон! — закричал он. — С глаз долой!

Такого удара граф не ожидал. Он бегал по гостиной и, хватаясь за голову, причитал:

— Надул меня всё-таки подлый торговец! Ах, каналья, проходимец, жулик, попался бы ты мне сейчас!.. Гварнери! Дель Джезу! Паганини! Бель канто! А на что мне ваше бель канто, если скрипку сделал обыкновенный мужик, холоп! А я-то, я! Заплатил за неё 200 золотых. И всю дорогу к груди прижимал. Тьфу!

Немного успокоившись, граф решил скрыть от всех свою неудачу. Он сам пошёл в мастерскую Фролова и потребовал, чтобы тот немедленно соскоблил печатку.

Фролов уставился на графа широко раскрытыми глазами и словно онемел.

— Что же ты? — рассердился граф. — Скобли. Сейчас же, при мне!

Фролов долго подбирал подходящий цикль и неторопливо стал затачивать его. Руки мастера при этом заметно дрожали.

Приготовив инструмент, он начал осторожно соскребать батовскую печатку.

Антошка не отрываясь смотрел на отца. Тонкие паутинки стружек, медленно кружась, падали на пол...

— Готово, ваше сиятельство, — глухо произнёс Фролов.

— Покажи.

Фролов поднёс к лицу графа скрипичную деку. Граф глянул на неё в лупу.

— Молодец, Пётр. Тонко исполнил. Будто никакого Батова тут не было. И не было! — крикнул граф. — Теперь это никто не докажет. Её творец — Гварнери дель Джезу. Ясно?

Вечером следующего дня в большой гостиной графского особняка был дан концерт. Гости пришли в восторг и наперебой хвалили скрипку.

— Вот что значит итальянская работа! — единодушно признали знатоки и любители музыки.

По ту сторону особняка, в темноте, у открытого окна, стояли два человека, знавшие истину: Фролов и Антошка.

Они глядели на разнаряженных гостей графа и скрипача,

который без устали играл на скрипке Ивана Батова с этикеткой Гварнери дель Джезу и автографом Паганини.

— И никто теперь не узнает, что её сделал Иван Батов, — печально произнёс мальчик.

— Узнают, — тихо ответил Фролов. — Я, Антошка, печатку не тронул. Рядом скрёб. А графу показал деку прямо против света. Вот он ничего и не заметил...

Наследники Шубина распродали коллекцию графа.

Кому досталась батовская скрипка?..

Наверное, с неё давно уже стёрся и исчез автограф Паганини. Но белль канто замечательного русского мастера Ивана Андреевича Батова вечно будет жить в каждом его музыкальном инструменте — известном и ещё не известном!

Эй, Антонио!

Жители Кремоны невероятно гордились синьором Амати. Ещё бы! Ведь Никколо Амати был гениальным скрипичным мастером. И каждый, проходя мимо его дома, почтительно снимал шляпу, едва завидев этого высокого худого старика с гордым лицом и седой бородой, волнами ниспадающей к поясу.

У синьора Амати было много учеников. Все они до поры до времени выполняли несложные поручения мастера. И лишь раз в год каждый получал право самостоятельно сделать одну скрипку.

Когда инструмент был готов, собиралась вся мастерская во главе с синьором Амати.

Тот, кому удавалось сделать скрипку, достойную похвалы синьора Амати, получал долгожданное звание мастера.

Но это случалось очень и очень редко. Иногда ученику переваливало за пятьдесят, а он ещё и не мечтал выйти в мастера.

Среди учеников синьора Амати был подмастерье по имени Антонио. Ему шёл десятый год, а синьору Амати — уже девятый десяток.

Великовозрастные ученики мастера не давали Антонио ни минуты покоя. Со всех сторон то и дело слышалось:

— Эй, Антонио, завари клей!
— Эй, Антонио, разотри краски!
— Эй, Антонио, приготовь грунтовку!
— Эй, Антонио, собери мусор, отнеси его на свалку. Да не забудь на ночь вымыть полы, слышишь?

Что поделаешь! Когда к имени человека прибавляют «эй», то каждый, кому не лень, может поручить ему самую что ни на есть чёрную работу.

Правда, иногда синьор Амати подзывал мальчика к себе и долго занимался с ним. Он учил Антонио пользоваться пилой, рубанком, струбцинами, лекалом, затачивать стамески, угадывать по звуку толщину дек, вырезать колки и правильно подбирать рисунок дерева.

В такие минуты Антонио был счастлив. Он с восхищением смотрел на своего учителя, и ему казалось, что синьор Амати чудотворец. Вроде тех, которые нарисованы на стене собора святого Доминика. Синьор Амати никогда не выпускал из рук циркуля и большого острого ножа. Он резал им дерево с такой лёгкостью, будто перед ним лежал круг свежего сыра.

А разве кто-нибудь из чудотворцев сумел бы приготовить «драконову кровь» — знаменитый лак, покрывающий скрипки синьора Амати?

Дом Никколо Амати был двухэтажный.

Наверху находилась мастерская, внизу — жилое помещение.

Антонио ночевал в мастерской. Он клал под голову рубашку, набитую длинными локонами деревянных стружек клёна, ели, ольхи, пихты, груши, сандала, липы, ивы, тополя, сосны, берёзы, красного и чёрного дерева.

Необыкновенный аромат самодельной подушки навевал на Антонио чудесные сны.

Но спать много он не любил и, едва оставшись один, сразу раскладывал на верстаке всякие деревянные отходы: разноугольные чурки, клинышки, кубики. Конечно, из них можно было строить великолепные дворцы и замки, но такие пустяки не интересовали Антонио. Он брал в руки огромный нож Никколо Амати и вырезал им крошечные скрипки, которые свободно умещались за пазухой или в кармане.

Вполне возможно, что Антонио мог бы сделать и большую скрипку. Сколько раз он видел во сне, будто, сидя на стуле синьора Амати, в его чёрном шёлковом колпаке и белом кожаном фартуке, он смачивает кусочек замши «драконовой кровью» и наносит густой, остро пахнущий лак на готовую скрипку, сделанную собственными руками.

Но наяву он не смел прикасаться к дереву, подвешенному для сушки к потолку мастерской. Здесь дерево ценилось на вес золота, и никто не смел трогать его. А о склянках с лаком и говорить не приходится — к ним нельзя было даже подходить близко.

И Антонио делал из деревянных отходов карманные скрипки, а покрывал их янтарной смолой, разведённой в скипидаре.

Скрипки Антонио не были игрушечными. На них было всё самое настоящее: корпус из двух дек, боковины-обечайки, шейка, головка, четыре колочка, четыре струны с подставкой, чёрный гриф и смычок с конским волосом.

Волосы для смычка Антонио выдёргивал из хвоста кобылы торговца зеленью, которая давно уже мечтала хорошенько лягнуть неугомонного мальчишку. Но всё пока обходилось для Антонио благополучно.

Раз карманную скрипку Антонио увидел какой-то кременский танцмейстер и радостно подпрыгнул. В те далёкие времена танцмейстеры были не только распорядителями танцевальных собраний и не только расставляли пары и объявляли название очередного танца. Они ещё подыгрывали оркестрантам на скрипках. А бегать по залу с большой скрипкой да ещё с длинным смычком, который то и дело цеплялся за шёлковые юбки танцовщиц, было очень неудобно.

Увидев крохотную скрипку, сделанную Антонио, танцмейстер пришёл в неопишуемый восторг. Ведь пользоваться лёгкой карманной скрипкой, которая, к слову будет сказано, звучала почти как настоящая, куда удобнее! Да и получил он её у доброго подмастерья бесплатно.

Антонио был большой выдумщик. Ни одна его скрипка никогда не бывала похожа на другую. Он даже умудрился поместить скрипку в обыкновенную трость.

А как-то раз из озорства Антонио вложил в скрипку крошечный звучащий механизм. Владелец этой скрипки, ничего не подозревая, пришёл на танцевальное собрание, расставил пары, объявил танец и, сделав знак оркестру, выхватил из кармана скрипку. И вдруг вместо изящного гавота скрипка заиграла походный солдатский марш.

Оркестранты растерялись, пары сбились с ритма, а впечатлительный танцмейстер упал в обморок.

На другой день он прибежал под окна дома синьора Амати.

— Эй, Антонио! — завопил он. — А ну спустись сюда, я кое-что тебе скажу!

Больше всего на свете Антонио боялся, что учитель узнает о его проделках. Он кубарем скатился с лестницы и принялся молить разбушевавшегося танцмейстера:

— Прошу вас, синьор, не так громко! Хотите, я вам сделаю другую скрипку? Хотите... с веером? Подумайте, синьор, вы будете играть, танцевать и обмахиваться!

Соблазн был настолько велик, что танцмейстер успокоился. Через несколько дней он получил от Антонио скрипку с веером и остался чрезвычайно доволен.

Антонио прожил у синьора Амати три года. Часто у него не было материала для ночной работы. Но однажды ему повезло. Он увидел на свалке выброшенную кем-то старую сломанную дверь.

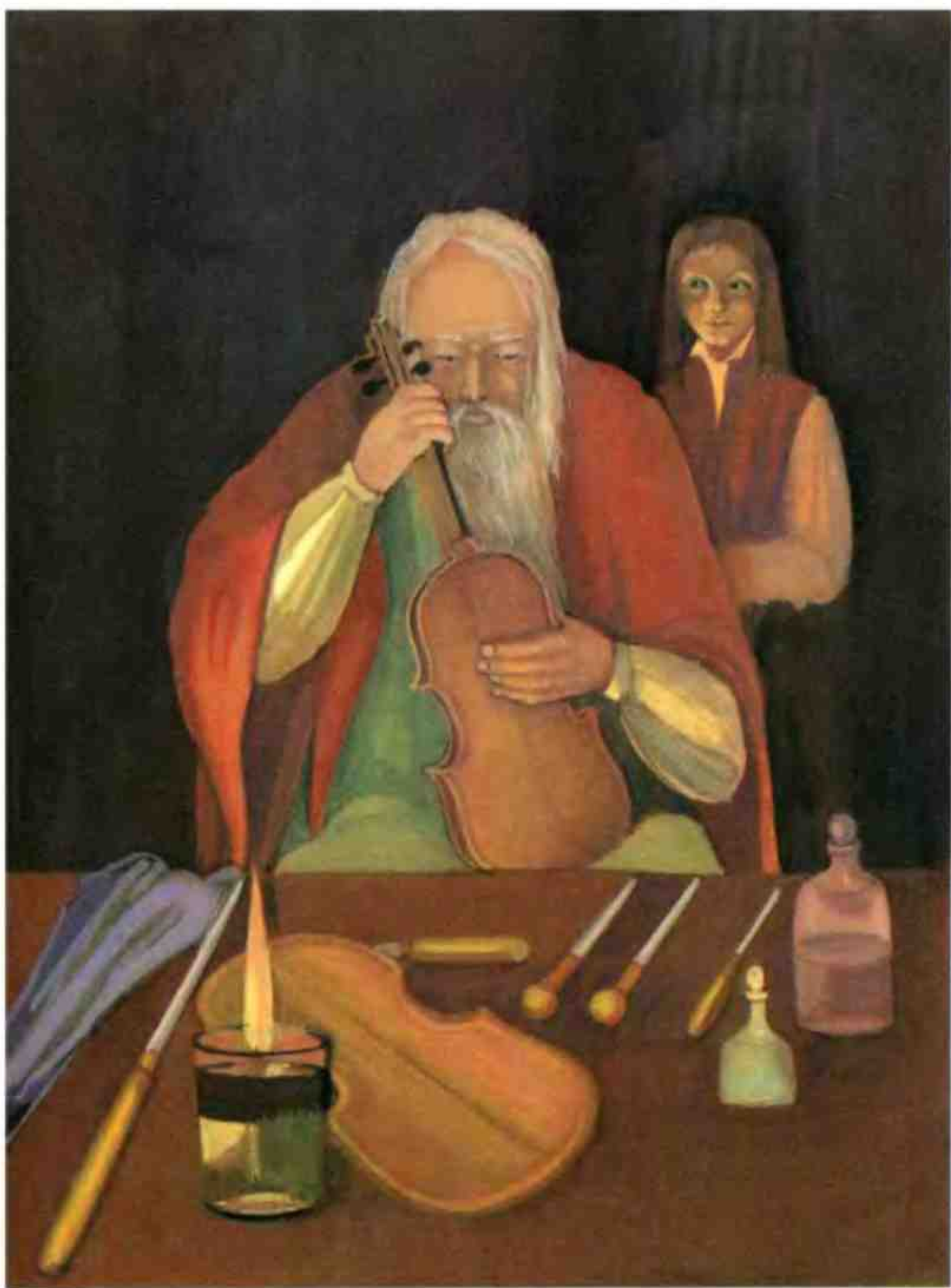
У мальчика был зоркий глаз и отличное чутьё. Он сразу разгадал рисунок дерева. А проведя ладонью по поверхности двери, увидел то, что не увидел бы ученик, пятьдесят лет мечтавший выйти в мастера. Антонио понял, что если это дерево зачистить и провести по нему тряпочкой, смоченной лаком, то рисунок вспыхнет ярким пламенем.

Старая дверь была суха и легка. Она вибрировала от любого прикосновения. И мальчику ничего не стоило поднять её. Он взвалил находку на плечи, принёс к дому синьора Амати и надёжно припрятал.

Однажды в Кремену приехал знаменитый скрипач.

Он попросил синьора Амати сделать для него новую скрипку.

Вот что ответил ему мастер:

— Ваша просьба делает мне честь, синьор. Но мне исполнилось восемьдесят пять лет. Я решил сделать свою последнюю скрипку и подарить её городу. Пусть каждый достойный музыкант, который посетит нашу Кремону, играет на ней. Вы, при желании, можете быть первым...

Скрипач низко поклонился синьору Амати и сказал, что с особой радостью воспользуется таким удивительным случаем и даст на скрипке великого Амати большой концерт.

И тогда кремонцы решили устроить в честь любимого мастера настоящий праздник. Они сшили себе маскарадные костюмы и украсили город не хуже, чем ко дню рождения короля.

Синьор Амати трудился не покладая рук.

Когда до концерта остался один день, вернее, одна лишь ночь, он закончил свою последнюю скрипку.

Он провёл смычком по струнам и сразу понял, что скрипка удалась на славу: это была лучшая из скрипок, сделанных за всю его долгую жизнь.

Никколо Амати бережно повесил на стену инструмент, снял с головы колпак, сбросил фартук и, спустившись из мастерской, сел у окна.

Он так устал, что уронил голову на руки и крепко уснул.

На рассвете за скрипкой пришёл музыкант.

Дверь ему открыл Антонио.

— Эй, Антонио, — сказал музыкант. — Передай синьору Амати, что я пришёл за скрипкой.

— Не могу, — ответил мальчик. — Учитель работал всю ночь и сейчас спит.

— Но мне нужна скрипка! — воскликнул музыкант. — Я должен подготовиться к концерту!

Антонио задумался. Потом сказал:

— Хорошо, я принесу вам скрипку.

Через несколько минут музыкант получил скрипку и тотчас ушёл.

Синьор Амати проснулся поздно.

— Эй, Антонио!.. — позвал он.

Антонио не отозвался.

Синьор Амати выглянул в окно и увидел, что кремонцы

уже собрались на площади святого Доминика и с нетерпением поглядывают на его дом.

На высоком помосте стоял музыкант. Он держал скрипку наготове. Даже издали синьор Амати узнал блеск своего знаменитого лака.

И он поторопился выйти на площадь.

Едва мастер появился, как в толпе раздались крики:

— Синьор Амати с нами! Начинайте, начинайте, пришёл Никколо Амати!

И концерт начался.

Но только послышались первые звуки скрипки, синьор Амати вздрогнул и торопливо покинул площадь.

Он быстрым шагом вошёл в свой дом и поднялся в мастерскую.

После концерта толпа устремилась к дому мастера с восторженными криками:

— Мы хотим видеть Никколо Амати!

Впереди шёл музыкант, протягивая скрипку мастеру.

— Вы приготовили Кремоне прекрасный подарок!

Никколо Амати поднялся навстречу музыканту.

Он взял из его рук инструмент и долго рассматривал. Потом спросил:

— Где вы взяли эту скрипку?

— Её дал мне ваш подмастерье, — ответил музыкант, показывая на Антонио.

— Антонио, — тихо позвал синьор Амати. — Подойди ко мне, мой мальчик.

Антонио подошёл.

— Где ты взял эту скрипку? Ведь моя висит на стене в мастерской, на том самом месте, где я оставил её ночью.

Запинаясь и не смея поднять глаз на учителя, Антонио ответил:

— Эту скрипку сделал... я сам. Но, честное слово, синьор, я не трогал ваших заготовок. У меня было своё дерево. Я только открыл одну из склянок с лаком, простите меня, пожалуйста!

— Люди добрые, — вдруг вскричал Никколо Амати и прижал к себе перепуганного Антонио, — снимите шляпы! Поклонитесь этому мальчику. И хорошенько запомните его

имя — скоро его будет повторять весь мир. Это *Антонио Страдивари!*

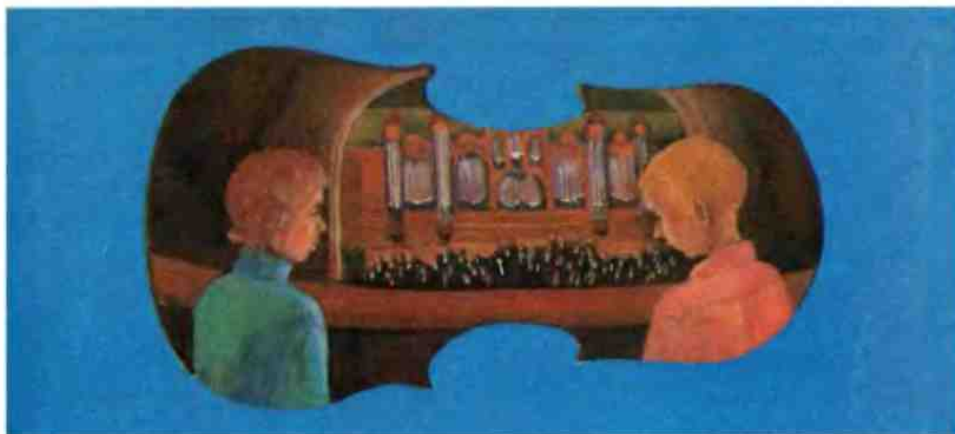
Слова Никколо Амати сбылись.

Антонио Страдивари стал величайшим скрипичным мастером.

Сейчас в Кремоне, там, где жил Страдивари, помещена мраморная доска с надписью:

Здесь стоял дом, в котором Антонио Страдивари довёл скрипку до величайшего совершенства и оставил Кремоне неизгладимое имя непревзойдённого художника в своём искусстве.

Страдивариус

Как-то раз отец показал Димке самую настоящую скрипку Страдивариуса.

Красивая же была скрипка! Верхняя часть скрипки — дека темноватая, словно от загара, и вся в светло-золотых прожилках, с вырезами — эфами в форме буквы «Г», если, конечно, с этой буквы снять козырёк. А нижняя дека словно шкура тигра. Одна полоска отливает золотом, другая — тёмная, как скорлупа грецкого ореха. Но стоит чуть-чуть качнуть скрипку — и по нижней деке пробегает волна с солнечными гребнями и чёрными провалами.

Димке сначала показалось, что нижняя дека на самом деле волнистая. Но она была гладкая и прохладная, как зеркальное стекло.

У скрипки Страдивариуса были удивительные ушки-колочки. Точёные, изящные, вырезанные из чёрного дерева. А в ушках, словно серьги, сверкали и переливались капельки крохотных бриллиантов.

С разрешения отца Димка заглянул в одну из эф. Внутри скрипки он увидел узкую бумажную наклейку с именем мастера. А сбоку — написанный от руки чёрной выгоревшей краской год рождения скрипки — 1670.

— Ей исполнилось триста лет! — удивился Димка. — Из чего же она сделана?

— Из разных сортов дерева. Поговаривают, что Страдивариус иногда пускал в дело обломки затонувших галер — были в старину такие огромные, многовёсельные суда.

— Теперь скрипка Страдивариуса будет жить у нас? — спросил Димка.

— Поживёт некоторое время, — неопределённо ответил отец.

— А где ты её взял?

Разумеется, отец эту скрипку не купил в магазине, не просил у товарища и не нашёл на улице. Такие скрипки не продают, не одалживают и не теряют.

Скрипку Страдивариуса выдали Димкиному отцу из Государственной коллекции, с согласия самого министра по музыкальным делам. Такие ценные инструменты вручают лишь заслуженным музыкантам. А Димкин отец вполне заслуженный: он лауреат всесоюзного конкурса, а теперь готовится к международному, куда съедутся музыканты всего мира.

Димка очень гордился тем, что такая замечательная скрипка поселилась у них дома. Он рассказал о ней своему другу Ёське.

Выслушав Димку, Ёська сказал:

— Знаю, слышал. Враки всё это. Страдивариус-самовариус-чепухариус, понял?

— Этой скрипке триста лет!

— Чего-о? Повтори, чего ты сказал?

— А ничего, триста лет, говорю.

— Ты что, спятил? Да разве может быть скрипке триста лет? Она же деревянная!

— Ну и что, пусть деревянная, — настаивал Димка.

— Как — что? Вон у нас пол на даче когда застелили? Бабушка говорит, лет двадцать тому назад, а он весь сгнил. Я в прошлом году провалился, чуть ногу не вывихнул.

— А у Страдивариуса дерево галерное. Оно, может, крепче железа! — крикнул Димка.

— Если бы твой Страдивариус был железный, то всё равно бы проржавел насквозь.

— А если из нержавеющей стали?

— Сказал! Такой стали триста лет назад и в помине-то не было!

— А вот и была! Мама говорила, что в одном месте нашли гвозди, которые пролежали в земле тысячу лет, а они до сих пор не проржавели.

— Может, скажешь, что твой Страдивариус сделан из гвоздей?

Ёська для убедительности сплюнул и, считая, что положил противника на обе лопатки, предложил:

— Давай поиграем в лапту.

Димка не стал играть в лапту. Он не признал себя побеждённым. Отвернувшись от Ёськи, он отправился домой.

«Ну и ладно!» — думал Димка, и у него от обиды дрожали губы.

Когда Димка ушёл, Ёська почесал затылок и признался сам себе, что завидует Димке. Ему даже захотелось самому потрогать знаменитую скрипку.

Теперь он не оставлял Димку в покое. Он приставал к нему, дразнил, доводил до слёз, а однажды заявил:

— Слабо вынести её на улицу, слабо? А-а! Трусишь?

— Я-а? — возмутился Димка и со всех ног помчался на седьмой этаж, забыв о существовании лифта. — Значит, я трус? — бормотал он. — А вот посмотрим!

На шее у Димки, на длинной верёвочке, болтался ключ от квартиры. Он открыл дверь и вбежал в комнату отца.

От плотно задёрнутых штор здесь было темно и прохладно. Димка зачем-то пугливо огляделся, хотя знал, что в квартире никого нет. И всё-таки пятки сами оторвались от пола, и он на цыпочках, крадучись и невольно озираясь, подошёл к круглому столику. Здесь лежал скрипичный футляр, отделанный под крокодиловую кожу, а в нём, утопая в голубом бархате, покоилась скрипка Страдивариуса.

Димка взял в руки футляр и на минуту задумался...

Мама на работе, в музее, и вернётся не скоро. Туда привезли кость, найденную глубоко под землёй. И все мамины знакомые научные работники помчались в музей выяснять, чья эта кость.

Папа вернётся только к вечеру. Он ещё вчера после обеда уехал за город. Он всегда за день до концерта «убегал» от своего Страдивариуса. И Димка знал почему: папа не раз говорил, что перед выступлением вредно много заниматься. Лучше отдохнуть как следует, побродить по лесу, поиграть в шахматы и — обратно в город. А у папы как раз сегодня вечером концерт. Вот и афиша на стене, где красными буквами написана Димкина фамилия. Даже имя, потому что папу тоже зовут Димкой, вернее, Дмитрием Константиновичем.

Словом, афиша напомнила Димке о концерте, концерт об отце и о том, что к инструменту прикасаться строго-настрого запрещено всем домашним, в том числе и Димке.

Ему вдруг расхотелось выносить из дома скрипку. Но, вспомнив ехидную физиономию Ёськи, он вновь расхрабрился и потащил футляр на улицу.

Димка шёл по лестнице, скособочившись под тяжестью футляра, и с каждым шагом ему становилось всё страшнее и страшнее, а футляр с каждой пройденной ступенькой прибавлял в весе, словно туда подкладывали кирпичи. Димка чуть было не повернул назад, как вдруг увидел женщину с маленькой девочкой.

— Смотри, мама, скрипач идёт! — воскликнула девочка.

И Димке стало необыкновенно приятно, что его назвали скрипачом. Он сразу стал важным и значительным. Разумеется, пока ещё в собственных глазах. И хотя ступеньки вели вниз, он мысленно возносился всё выше и выше, вообразив себя знаменитым музыкантом, которого ждёт не дожждётся публика...

Когда Димка появился на улице, у него был такой важный вид, что Ёська насмешливо сказал:

— Фи, индюк!

Но Димка не обиделся, а ещё больше надулся.

— Индюк? — переспросил он и показал на футляр. — А это видел?

— Может, у тебя там пусто, откуда я знаю? — как можно равнодушнее сказал Ёська.

Он надеялся, что Димка начнёт доказывать обратное. Но тот и не думал. Тогда Ёська принялся скакать вокруг приятеля и петь на все лады:

— Чепу-хо-ви-на Стра-ди-вар-на-я! Чепу-хо-ви-на са-мо-вар-на-я!

Но и это не подействовало.

Ёська от зависти и нетерпения стал ехидно нащёпты-вать:

— Один тут тоже всё ходил с футляром. А потом, однажды, у него футляр раскрылся на ходу, и оттуда посыпались трусы и майки. Он в баню с этим футляром ходил, понятно?

Тут уж Димка не выдержал. Он принялся торопливо щёлкать замочками футляра.

Ёська бросился ему на помощь. Оба они, мешая друг другу, безуспешно ломали ногти о круглые пуговицы замочков.

А замочки-то открывались без всяких усилий: правая пуговица отодвигалась вверх, левая — вниз, а не в разные стороны, как это пытались сделать Димка и Ёська.

— Не откроются,— наконец сказал Димка.— Их только мой папа умеет открывать.

— И мой тоже,— на всякий случай дополнил Ёська и завладел инициативой, то есть попросту отобрал у Димки футляр.

— Отдай!— завопил Димка.

И они стали рвать друг у друга футляр. А Ёська ещё на ходу умудрялся дёргать замочки.

И тут случилось ужасное: футляр открылся, и таинственная, необыкновенная, всемирно известная скрипка Страдивариуса выскочила из своего крокодилово-голубого домика и шлёпнулась об асфальт.

С таким звоном, наверное, разбивается хрусталь...

Друзья некоторое время оторопело смотрели на скрипку. Первым заговорил Ёська:

— А всё ты... Не дал мне спокойно открыть футляр.

Но Димка не слышал.

— Она сломалась! Она сломалась! — глотая слёзы, шептал он.

Дело принимало серьёзный оборот. Ёська стал пятиться задом, метнулся за угол дома и скрылся. Потом осторожно выглянул оттуда, посмотрел на скорбную Димкину фигуру и нехотя вернулся обратно.

— Ну, чего расхныкался? — сказал он. — Пойдём к дяде Пантелею. Он плотник — мигом её починит. Он нам знаешь какие полки на кухне сделал!

И Ёська деловито уложил скрипку в футляр. Туда же он побросал обломки подставки и оторвавшуюся от скрипки узкую чёрную планочку — гриф.

— Пошли, — сказал он Димке. — А то оставляю тебя тут одного, и управляйся как знаешь.

Димка покорно поплёлся за Ёской. У него теперь не стало собственной воли. Единственное, на что он был способен, — это плакать. И слёзы лились из его глаз в три ручья.

Когда плотник Пантелей увидел скрипку, он воскликнул:

— Господи, какую вещь раскололи!

— Почините, дядя Пантелей, — попросил Ёська. — Видите, как Димка плачет.

— Мне не только что чинить, а прикоснуться к ней боязно.

В ответ Димка отчаянно заревел.

— На чём же мой папа будет играть? У него сегодня концерт... Сегодня... сегодня... — сквозь слёзы твердил он.

— Дела-а-а, — задумчиво протянул плотник Пантелей. — Сам-то я, как прежде, не возьмусь, об этом и говорить нечего. Но тут поблизости один мастер проживает...

Мастер был маленький старичок с морщинистым лицом. На голове у него не было ни единого волоска. Она блестела, как только что вымытый арбуз.

В окошко всюю било весеннее солнце. И Димке показалось, что от головы старичка на стенке скачет солнечный зай-

чик. Голова вправо — и зайчик туда. Влево — зайчик следом.

А может быть, зайчик отражался от очков, которые косо сидели на носу мастера?

— Здравствуйте,— робко сказал Димка.

Мастер не ответил. Он словно не заметил появления ребят и продолжал что-то точить крошечным рубаночком.

— Здравствуйте,— уже громче повторил Ёська.

Мастер чуть качнул головой. Солнечный зайчик метнулся по стенке вправо-влево и вновь застыл на месте.

«Наверное, всё же от очков»,— подумал Димка и вдруг разозлился на себя за то, что думает о пустяках, когда у него такая беда. Он толкнул Ёську:

— Может, он глухой. Давай крикнем вместе.

— Я не глухой,— проскрипел старичок.— У меня ни минуты свободной. Быстренько говорите, в чём дело, и уходите.

— Если бы он дал мне спокойно раскрыть футляр...— начал Ёська.— А то стал вырывать его...

— А какое он имел право брать напину скрипку? Он никому-никому не разрешает её трогать, даже мне.

Мастер бросил рубаночек.

— Тэк, тэк,— сказал он.— Преступление налицо. Вы взяли скрипку, притом чужую, подрались, сломали её и теперь, как истинные друзья, пытаетесь свалить вину друг на друга.

— Это он виноват,— сказал Димка.

— Честное слово, не я!

— Мне противно вас слушать,— перебил их старичок.— Оставьте скрипку, а через неделю пусть за ней придёт кто-нибудь из взрослых. Всего лучшего!

— Скрипку нужно починить сейчас же! — крикнул Димка и сам удивился своей храбрости.— Папа вернётся через несколько часов.

— Послушайте, молодой человек,— нетерпеливо сказал старичок.— Вы трус и боитесь отвечать за свои поступки.

— Я не боюсь! — воскликнул Димка.— Я во всём сознаюсь. Только, пожалуйста, почините скрипку. У папы вечером концерт, а он ещё ничего не знает.

Мастер молча взял в руки футляр.

— Там Страдивариус,— жалобно проговорил Димка.

— Честное слово,— подтвердил Ёська.— Сам министр...

Ёська не договорил. Мастер, как коршун, вцепился в скрипку. Он близоруко рассматривал её сантиметр за сантиметром. Со стороны казалось, что он её облизывает.

— Так и есть... О боже! Самый настоящий Страдивари! — И вдруг заревел на ребят таким страшным голосом, будто в комнате объявился великан: — Ах вы, пакостники, негодники, безобразники, разбойники, головорезы, я вас сейчас!..

Ёську и Димку словно ветром сдуло. Они опрометью выскочили из мастерской и всё время, пока старичок кричал, тряслись от страха за дверью.

Потом наступила тишина. Они заглянули в мастерскую и увидели, как старичок, словно потеряв последние силы, плюхнулся на стул и закрыл глаза.

— Может, помер? — спросил Ёська.

— Не знаю,— прошептал Димка.

Однако мастер тихо, но внятно сказал:

— Уши вам поотрывать и носы пооткрутить. Что же вы, паршивцы, наделали? Ух, подайте мне воды...

— Вам сырой или кипячёной? — предупредительно спросил Димка.

— А ну вас! — неожиданно окрепшим голосом сказал мастер и быстро поднялся на ноги.

Он внимательно осмотрел гриф и надолго задержался взглядом на обломках подставки, когда-то стройной, резной, на двух изящных лапках. Где теперь такую достанешь?

По тому, как часто он вздыхал, было件ятно, что подставка эта — довольно важная штука.

— Дети,— наконец сказал он,— вы чуть не погубили редчайшую скрипку. К счастью, корпус её не пострадал. Но гриф и подставка!.. Если бы вы это сделали нарочно, я, не задумываясь, поколотил бы вас.

Ёська и Димка дружно уставились в потолок.

— Что я сейчас должен делать? — продолжал старичок.— Я должен пойти в мастерскую Большого театра и отдать её мастерам, достойным доверия. Так поступил бы хозяин скрипки...

Ёська понимающе ткнул Димку в бок, а у того от радости сильно забилося сердце.

— ...но я никуда не пойду.

Димка с ужасом посмотрел на Ёську.

— Да, ни-ку-да! Я, может быть, этого момента ждал всю жизнь.

— Чтобы никуда не ходить? — растерянно спросил Димка.

— Чудаки, — буркнул мастер. — Вы только подумайте: скрипка разбита, через несколько часов концерт. При всём желании мы не успеем отнести её в мастерскую и получить обратно. Что же, спрашивается, у нас получается?

— Чепуховина... — пробормотал Ёська.

— Наконец-то я услышал одно разумное слово: именно че-пу-хо-ви-на. Но! — вскричал мастер голосом великана и поднял скрюченный палец к потолку.

Димка испуганно заморгал.

— Но! — продолжал громогласно старичок. — Безвыходность положения даёт мне право прикоснуться к священному Страдивари. Вы понимаете меня, дети?

Мастер снял со скрипки струны и аккуратно приклеил на место гриф.

— А что, если не высохнет? — с сомнением спросил Димка.

— Мой клей сохнет почти моментально. У меня ведь есть свои секреты. Например, канифоль. Удивительная, скажу вам, канифоль... Ах, до чего вы разделали подставку! Нет, вас всё-таки следует поколотить. И немедленно, но у меня, к сожалению, нет времени на такие пустяки. Из-за вас я и так совершаю преступление — без ведома хозяина чиню скрипку.

— Папа не рассердится, — сказал Димка. — Он добрый.

— Добрый? А если за пять минут до концерта выяснится, что скрипка не звучит? Ведь любая, даже самая маленькая деталь может до неузнаваемости изменить голос инструмента.

Димка поёжился.

— Я ни за что не ручаюсь. Но искренне говорю вам: всю

жизнь мечтаю сделать скрипку, подобную этой... Увы! Мечты, мечты...

Откровенность старичка, видно, очень подействовала на Димку.

— А я буду музыкантом или пожарником,— признался он.

— А я...— начал было Ёська, но мастер уже не слушал ребят. Склонившись над верстаком, он выпиливал и точил новую подставку.

Димка и Ёська смотрели во все глаза. Переминаясь с ноги на ногу, они следили за каждым движением мастера. А тот за последние полчаса не произнёс ни звука. Он шлифовал бархатной шкуркой готовую подставку. Потом наложил её на собранные кусочки подставки Страдивариуса. Две подставки слились в одну, словно одинаковые картинки.

— Всё,— облегчённо сказал мастер.— Я сделал всё, что мог. Если скрипка не будет звучать — грош мне цена.

Было видно, что мастер волнуется.

Димка тоже волновался.

— Спасибо вам, дедушка мастер,— сказал он и потянулся к футляру.

— Ну, нет! — воскликнул старичок.— Лучше я вас провожу. А то, чего доброго, поднимется спор о том, кто больше — комар или комариха. А там и до драки недалеко. Знаю я вас! Кстати,— обратился он к Димке,— сразу же всё расскажи отцу. Вдруг он выйдет на сцену, не попробовав скрипки. Может получиться грандиозный скандал.

Мастер проводил ребят до самой двери Димкиной квартиры. Ни на какие уговоры остаться он не соглашался.

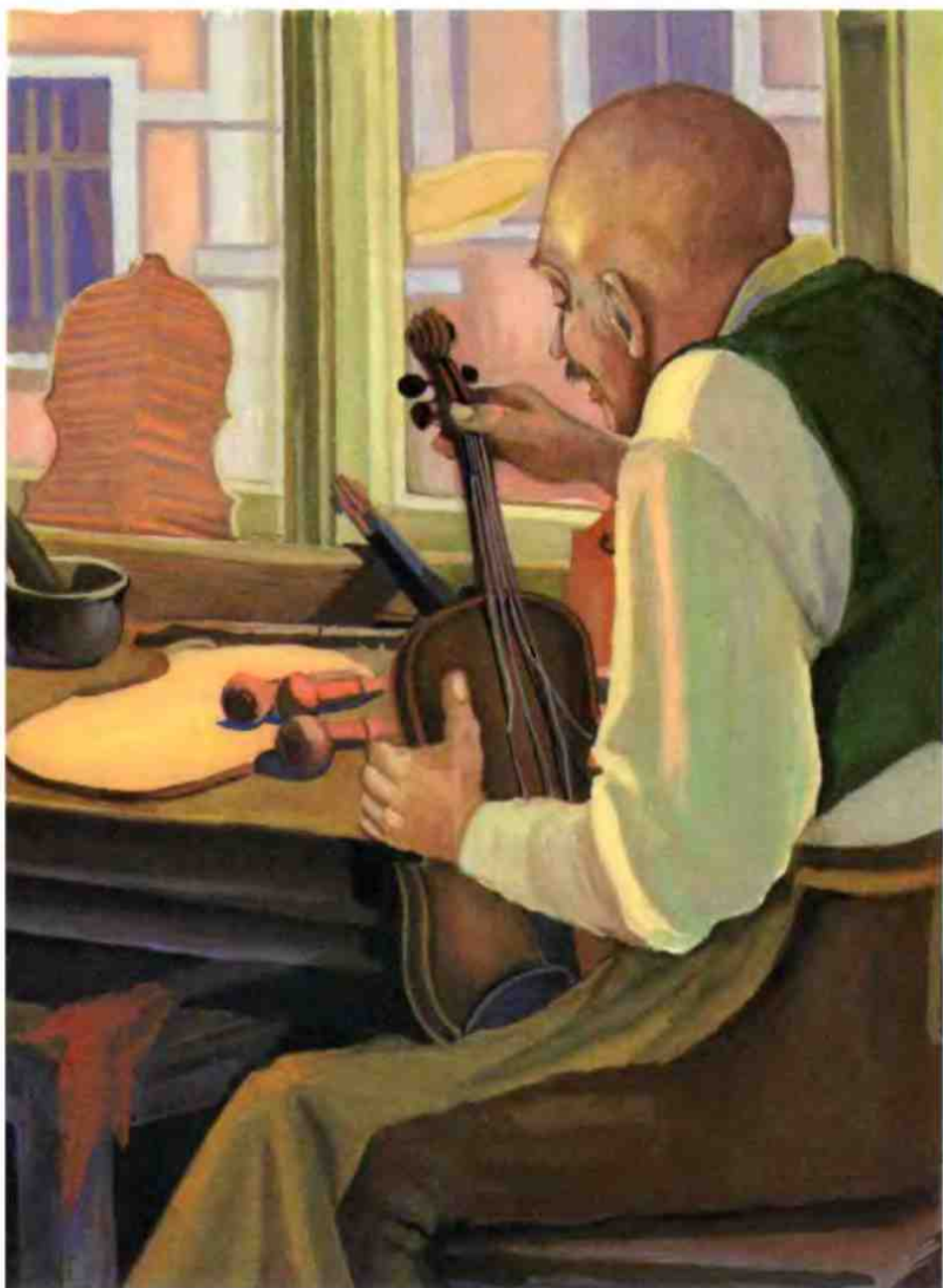
— Артисту перед выступлением не следует мешать, а после концерта я обязательно навещу вас,— на прощанье сказал он.

А Ёски давно и след простыл.

Димка остался один.

Он молча сидел в прихожей и ждал справедливого наказания. Когда раздался звонок, он вздрогнул, словно его стукнули по макушке.

Звонил телефон.

Откуда-то издалека послышался приглушённый голос отца:

— Здравствуй, малыш! Срочно к телефону маму!

— Её ещё нет.

— Фу, невезучий день! — огорчился отец. — Послушай, Дим, как только придёт мама, передай ей, что я задерживаюсь — машина испортилась. Её сейчас чинят. Скажи маме, чтобы она привезла скрипку, фрак и манишку прямо в концертный зал. И передайте дирижёру — пусть оркестранты занимают свои места. Я приеду минута в минуту.

— Папа, ты обязательно должен попробовать скрипку... — робко начал Димка.

— Ничего, — весело перебил отец. — Один раз выйду на сцену не разыгравшись — согрею руки шерстяными перчатками: они всегда при мне. А вы смотрите со скрипкой осторожней. Ты её в руки не смей брать, слышишь? А сейчас я больше не могу разговаривать. Привет!

— Папа! Па-а-ап! — закричал Димка. — Послушай, папа... Ту-ту-ту-ту... — зачастили отбойные гудки.

Через некоторое время пришла мама.

— Только что звонил папа, — произнёс Димка.

— И что же?

— Мама... — начал Димка и вдруг, не выдержав напряжения этих нескольких часов, отчаянно закричал: — Мама! Я сломал Страдивариуса!

Мама побледнела и неестественно спокойно сказала:

— Ты что, Дима?.. Шутишь, конечно?

Она открыла футляр, внимательно осмотрела скрипку и даже щипнула пальцем струну. Потом взглянула на Димку и сухо произнесла:

— Это глупая шутка, Дима.

Димка опустил голову и неожиданно сказал совсем не то, что ему хотелось:

— Мама, пусть Ёська пойдёт с нами на концерт.

— Пусть, — коротко ответила мама.

Они стояли на тротуаре: Димка, Димкина мама и Ёська.

Ёська помогал ловить такси. Он шумел, кричал, размахивал руками, словно главный участник предстоящего концерта.

А Димка молчал и смотрел себе под ноги.

Наконец, когда до концерта остались считанные минуты, мама остановила такси.

К концертному залу они подкатили одновременно с милицейским мотоциклом. В коляске мотоцикла сидел Димкин отец. Значит, его машину так и не удалось починить вовремя.

Отец поблагодарил милиционера. Тот отдал ему честь, и мотоцикл застрекотал прочь от концертного зала.

— Скрипку! — крикнул отец и устремился к служебному входу.

— Папа! — бросился за ним Димка. — Я хочу тебе сказать...

Но ничего больше не успел вымолвить. Мама с силой потянула его за шиворот.

— Да ты сегодня совсем ума лишился! — сердито сказала она. — Кто же пристаёт к человеку перед самым выступлением?

Димка заплакал.

— Ты болен, — сказала мама.

— Он не болен, — мрачно ответил Ёська. — Хотите, я вам расскажу...

— Только не сейчас, — перебила мама, взглянув на часы. — Марш в зал! А я побегу в артистическую, провожу папу.

Димка, как всегда, забрался на балкон амфитеатра, Ёська — за ним.

А на сцене уже сидел оркестр. Потом появился дирижёр, шагнул на свою подставку и поклонился публике. И в этот момент на сцену вышел Димкин отец. Он ловко пробирался между пультами, за которыми сидели оркестранты.

— И вовсе не похож на твоего папу, — сказал Ёська.

Вдруг кто-то тронул Димку за плечо.

Димка оглянулся и увидел мастера.

Тот приветливо взмахнул рукой и весело спросил:

— Твой папа остался доволен скрипкой. Не так ли?

— Он ничего не знает, — ответил Димка.

— Этого не может быть! — выдохнул мастер и, словно у него подкосились ноги, ухватился за спинку кресла.

А оркестр между тем заиграл вступление.

Димкин отец спокойно стоял впереди, у дирижёрской подставки, чуть расставив ноги, наклонив голову, высокий, стройный, в чёрном фраке и ослепительно белой манишке.

А когда кончилось оркестровое вступление, он начал играть. И звуки необыкновенной красоты сразу заполнили весь зал.

Димка невольно оглянулся на мастера.

— Всё хорошо? — шёпотом спросил он, ещё не веря, что ничего страшного не произошло. — Папа не проваливается?

— Хорошо, мой милый, ах как хорошо! — ответил мастер, и на лице его засветилась счастливая улыбка. — Я уверен, что Антонио Страдивари похвалил бы меня!

Ёська, видя, что ничего особенного не случилось, толкнул Димку локтем:

— Здорово играет Страдивариус, — сказал он. — Теперь, когда мы ещё раз нечаянно его сломаем, то сразу пойдём к нашему мастеру, правда, Дим?

Этот концерт прошёл для Димкиного отца особенно удачно. Но это не спасло Димку от наказания. Целую неделю отец с ним не разговаривал. Более того: он попросту не замечал Димку, словно того на свете не существовало.

Зато со старым мастером отец крепко подружился. Они часами разглядывали скрипку Страдивариуса и о чём-то говорили. И мастер нахваливал свою канифоль.

Отец эту канифоль попробовал — конечно, не на язык, а на смычок! — и остался очень доволен. И мастер подарил ему три прозрачных янтарных кружочка.

Когда наступил день примирения, Димка до позднего вечера не отходил от отца ни на шаг, а лёжа в постели, ворочался и думал о том, что хорошо бы научиться играть на скрипке. Он обязательно скажет об этом папе. И услышит в ответ: «К этому нужно серьёзно готовиться: нужно много

петь, танцевать и слушать музыку». А мама добавит: «Есть манную кашу и пить рыбий жир». А Ёська опять, наверное, скажет: «Чепуха всё это, чепуховина!»

А может быть, теперь уже не скажет?

Димкины мысли стали путаться и спотыкаться. И он уснул сном, в котором не было никаких сновидений, а лишь нежно пела скрипка великого Страдивариуса.

Тетрадь Себастьяна

Старый рояль грустил.

В массивном корпусе, под чёрным крылом опущенной крышки он бережно хранил прощальные слова своего хозяина:

«Я уезжаю навсегда. И расстанусь с тобой только потому, что в этом доме растёт мой внук. Пока ему лишь три года. Но когда он подрастёт, вы станете большими друзьями. Помнишь, как он успокаивался, когда мы с тобой играли ему вместо колыбельной музыку Баха?»

Рояль промолчал, хотя, как всегда, хорошо понял, о чём говорит и думает его хозяин.

Дедушка уехал. Но его внук, Санька, особого интереса к роялю не проявлял. Иногда, правда, подходил и тыкал указательным пальцем в пожелтевшие от времени клавиши. Рояль отвечал коротко и неохотно, словно удивлялся такому бесцеремонному обращению. А бывало, Санька сердился на рояль и даже колотил по нему кулаками. Рояль в ответ возмущённо гудел.

— Поучился бы ты нотной грамоте,— не раз предлагал Саньке отец.— Сразу бы дело пошло.

— Зачем? — равнодушно отвечал Санька.— Музыку можно слушать и по радио.

И Санька совсем перестал тревожить старый рояль.

Рояль ещё больше старел, тускнел и, очевидно, очень тосковал по музыке. Он страдал молча и гордо и от всеобщего равнодушия всё больше и больше расстраивался.

Но играть на нём было некому: предсказания дедушки не сбылись. Никакой дружбы между внуком Санькой и старым роялем не получилось.

Тогда рояль решили отослать дедушке. Его сняли с ножек, уложили в контейнер и увезли на железнодорожную станцию. А некоторое время спустя, вслед за роялем, к дедушке в гости отправили и Саньку.

Приехав, Санька даже не глянул на знакомый рояль. Его внимание привлекла одна из стен комнаты, сплошь увешанная портретами.

В самой середине, подобно солнцу, красовался огромный портрет в круглой позолоченной раме. Вокруг расположились портреты поменьше и совсем маленькие. Вроде бы планеты, спутники и звёзды.

У Саньки глаза разбежались:

— Ой, сколько!

Дедушка чуть шевельнул седыми усами.

— Редчайшая коллекция, — сказал он. — Другой такой ни у кого нет. Ты когда-нибудь слышал об Иоганне Себастьяне Бахе?

Санька покачал головой.

— Так знай, — продолжал дедушка. — Иоганн Себастьян Бах — величайший немецкий композитор. Его имя известно всем. Музыку Иоганна Себастьяна Баха хорошо знают в России, Америке, Австралии, Испании, Африке, Англии — словом, везде, на востоке и на западе, на севере и на юге.

Дедушка с гордостью показал на портрет-солнце.

На Саньку пристально глядел добродушный человек с двойным подбородком, большим носом и чуть прищуренными ласковыми глазами. Белый парик, весь в локонах, опускался до самых плеч и терялся в складках пышного кружевного воротника.

— А другие кто такие? — спросил Санька, кивая на портреты-спутники.

— Справа — сыновья Иоганна Себастьяна, знаменитые

композиторы: Вильгельм Фридеман Бах, Иоганн Кристиан Бах, Иоганн Кристоф Бах, Филипп Эмануэль Бах. Слева — братья: Иоганн Людвиг Бах, Иоганн Кристоф Бах. Дальше — двоюродные дяди: тоже Бахи и тоже музыканты.

— Все Бахи и все музыканты?

— Вот именно! — оживился дедушка. — Все Бахи и все музыканты. Скажу тебе больше: одно время, правда, это было очень давно, дело дошло до того, что на протяжении 200 лет в Германии каждого музыканта называли Бахом, а каждого Баха — музыкантом.

— Значит, они учились друг у друга? — догадался Санька.

— Конечно. Например, учителем рано осиротевшего Иоганна Себастьяна был его старший брат Иоганн Кристоф Бах. Но Себастьяну, прямо скажу, не повезло. Его братец оказался очень скучным и не очень умным человеком. Он раз и навсегда установил для себя правила жизни, которые не нарушал сам и не позволял нарушать другим. Сорок лет подряд он играл на одном и том же органе, в одной и той же церкви, исполняя одну и ту же музыку. А на ночь, отправляясь спать, водружал на голову один и тот же ночной колпак. Его невозмутимость могла возмутить кого угодно. Но отбить у маленького Себастьяна охоту к музыке ему всё же не удалось. Мальчик иногда бывал в доме у других Бахов и знал, что, кроме скучных упражнений, которые его заставлял играть брат, есть другая музыка. И ещё он знал, что в большом шкафу за решёткой спрятаны ноты с настоящей музыкой. И маленький Себастьян решил во что бы то ни стало переписать эти ноты в свою тетрадь. Когда в доме гасли свечи и Кристоф, натянув на нос ночной колпак, крепко засыпал, Себастьян соскакивал с кровати и пробирался к заветному шкафу. Ночные вылазки Себастьяна продолжались много месяцев подряд.

...Дедушка говорил тихо и взволнованно. Старинные часы с фарфоровыми колонками, стоявшие на высоком круглом столике, хрипло и суетливо пробили одиннадцать раз. За окнами разом погасли уличные фонари. Портрет Иоганна Себастьяна Баха потускнел, стал едва различимым. А дедушка всё говорил, говорил...

Сквозь сон Санька вдруг услышал незнакомый голос:
«Эй, послушай!»

Стена с портретами засветилась странным серебристым блеском, и Санька увидел в круглой позолоченной раме... маленького мальчика! Упёршись руками в края рамы, он с любопытством смотрел на Саньку.

«Послушай,— повторил он.— Раньше я тебя никогда не видел. Ты из наших, из Бахов?»

«Ага»,— сам того не желая, ответил Санька.

«Вот и хорошо,— сказал мальчик.— А меня зовут Себастьян. Забирайся ко мне, сюда. Не бойся, Христоф уже спит. Его теперь не разбудит даже большой колокол на Томас Кирхе!» И Себастьян подал Саньке руку. Ра-аз — и Санька очутился по ту сторону позолоченной рамы, в просторной комнате, сводчатый потолок которой напоминал перевернутую чашу.

Посреди комнаты стоял большой, массивный дубовый стол. Его почтительно окружали стулья с высокими резными спинками. Около стены помещался клавесин. И рядом шкаф с железной решёткой, где Христоф прятал от младшего брата ноты. Большие часы задумчиво отбивали время.

Себастьян посмотрел на тяжёлый бронзовый маятник, который никогда и никуда не торопился, и сказал:

«Скоро взойдёт луна, и мы начнём переписывать ноты. Мне осталось совсем немного. Когда у меня устанут глаза, я и тебе дам пописать...»

«Я не умею»,— ответил Санька.

«Как? Ты не знаешь нотной грамоты?! У нас в роду такого ещё не бывало!»

Санька пожал плечами.

«Я не знаю... немецких нот»,— попытался вывернуться он.

«Какой ты смешной! — воскликнул Себастьян.— Разве бывают ноты немецкие или какие-нибудь другие? Это раньше, давным-давно, в каждой стране записывали музыку по-своему. Но с тех пор как монах Гвидо из Ареццо, поистине отец наш, придумал ноты...— Себастьян бережно раскрыл свою тетрадь.— Допишу музыку,— мечтательно произнёс

он, — и буду играть каждый день по страничке. Мне надолго хватит! А хочешь, и ты тоже играй... Ты на чём играешь?»

«Ни на чём», — ответил Санька, с досадой вспомнив дедушкин рояль.

«Значит, ты певчий из хора? В какой церкви ты поёшь?»

«Я туда и вовсе не хожу, вот выдумал!»

«Я тоже не люблю ходить в церковь, когда мне не позволяют стоять возле органа, — понизил голос Себастьян. — Зато люблю церковную музыку. Она такая торжественная и красивая. Все Бахи пишут музыку для церкви. А ещё я люблю танцы».

«Твист?» — спросил Санька.

«Нет. О таком я не слышал. Наверное, это очень старый танец. А я люблю новое — гавот, жигу, сарабанду, лендлер... Ты танцуешь лендлер?»

Санька не умел танцевать, поэтому он промолчал, выглянул в окно и с облегчением воскликнул:

«Смотри, луна показалась!»

Себастьян сразу же забыл обо всём на свете. Он бросился к шкафу, просунул руки в переплёты решётки и, свернув ноты в рулон, вытащил их наружу. Потом примостился у подоконника и начал торопливо переписывать. Луч шириной с ладонь медленно передвигался по комнате: по стене, столу, стульям, полу, увлекая за собой Себастьяна. Какие только позы не приходилось принимать мальчику, чтобы не прекращать работу!

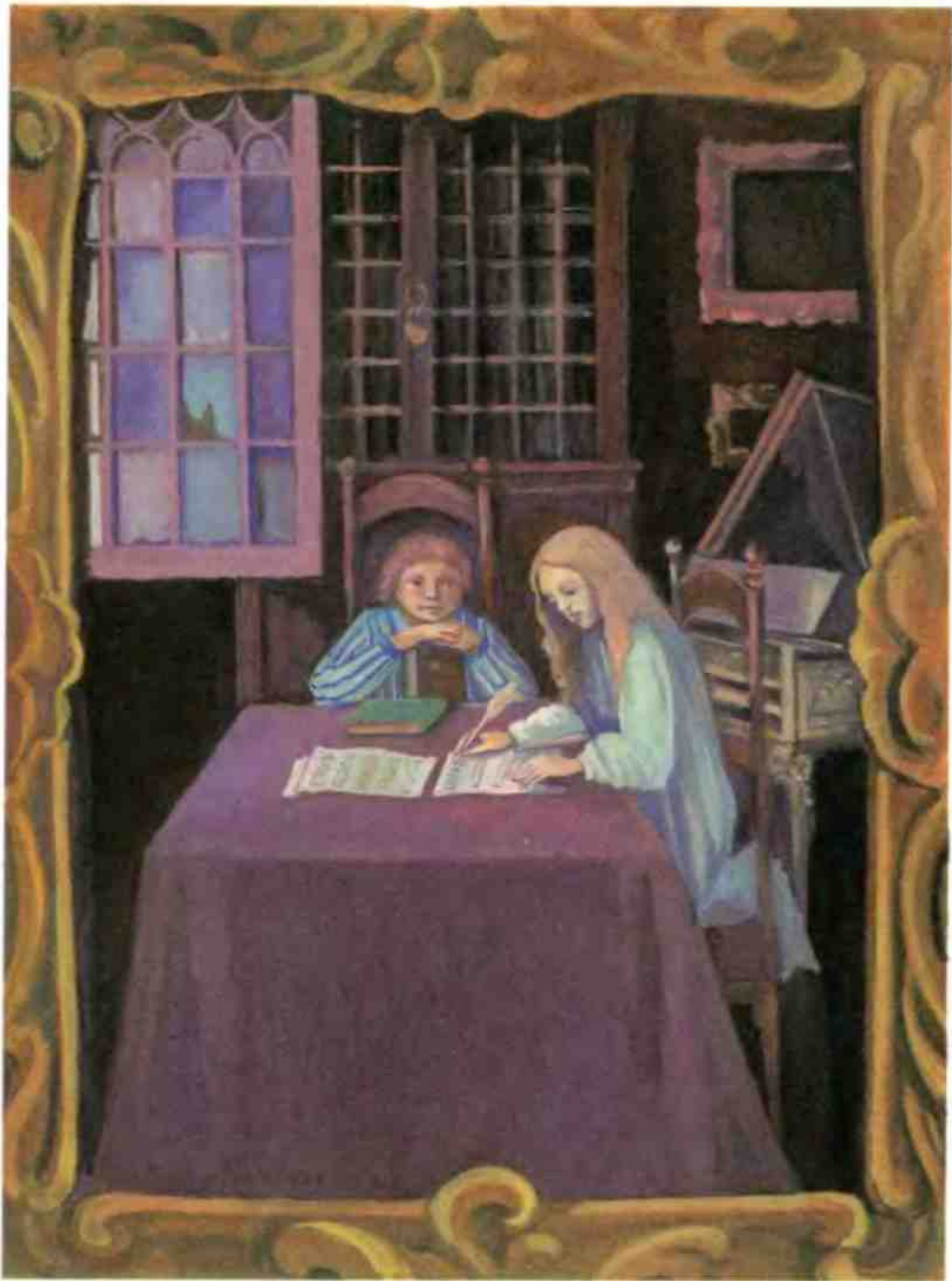
И тут Санька увидел Иоганна Христофа. Тот стоял в дверях, словно привидение, в белой рубашке до пят. В руках он держал горящую свечу.

Санька только и успел крикнуть: «Берегись, Себастьян!» — а сам юркнул за шкаф.

Но было уже поздно. Христоф выхватил у Себастьяна тетрадь и долго тряс ею перед носом испуганного мальчика. Кисточка ночного колпака вздрагивала на голове Христофа, словно гребешок старого злого индюка.

«Как ты осмелился прикоснуться к запретным нотам?» — сурово крикнул он.

«Отдайте, отдайте! — воскликнул Себастьян, протягивая к брату руки. — Здесь такая чудесная музыка...»

И столько было отчаяния в голосе маленького Себастьяна, что казалось, Христоф поймёт, уступит и вернёт тетрадь. Но он был неумолим. Вся его фигура выражала непреклонность. Лишь тонкая свеча в его твёрдой руке, словно сочувствуя маленькому Себастьяну, тихо роняла восковые слёзы на медную чашечку подсвечника.

«Ты это никогда не получишь, — сухо произнёс Христоф. — Я отвечаю за тебя перед богом и людьми. Я не позволю, чтобы твоего слуха коснулась музыка, отравляющая душу и уводящая от веры в господа нашего!»

Себастьян опустил голову на ладони и заплакал.

«Я запрю тебя в чулане, — продолжал Христоф. — И выдержи там до тех пор, пока ты не одумаешься и не поймёшь, сколь ужасен твой поступок. Следуй за мной!»

Потрясённый, Санька долго ещё сидел в своём укрытии. «Пусть я ни на чём не играю и не танцую лендлер, но я спасу тетрадь и верну её Себастьяну!»

Когда в доме всё стихло, Санька пробрался в комнату Христофа.

Хозяин дома уже лежал на широкой кровати с высокими спинками и безмятежно храпел. На полу рядом с ночными туфлями валялась тетрадь Себастьяна.

Санька схватил тетрадь и стремительно выбежал из комнаты...

Он пробрался через круглое отверстие рамы в квартиру дедушки и спрятал тетрадь Себастьяна под подушку...

* * *

Вдруг кто-то тронул его за плечо:

— Ах ты соня, соня! Десятый час, пора просыпаться и завтракать. — Над Санькой склонился дедушка. — Поднимайся, поднимайся, — говорил он. — Что ты смотришь на меня, словно укусить собрался? С добрым утром!

— С добрым утром, — ответил Санька и машинально сунул руку под подушку. Пальцы его коснулись твёрдых краёв переплёта.

— Ну, что же ты? — улыбнулся дедушка. — Доставай! Санька оторопел:

— Значит, вы знаете?

— Ещё бы не знать! Это одна из тетрадей Иоганна Себастьяна Баха. Я положил нарочно её тебе под подушку. В детстве мой отец поступал так же. Когда я засыпал, он тайком прятал у меня под подушкой ноты и книги. И знаешь, потом они становились самыми любимыми. А мне очень хочется, чтобы и ты полюбил музыку Баха...

— А как же та самая тетрадь, про которую вы рассказали вчера? Неужели Христоф так и не вернул её Себастьяну?

— Нет, отчего же... Себастьян получил её обратно, через... двадцать пять лет, уже после смерти Христофа. Но она уже была ему не пужна. К этому времени Иоганн Себастьян Бах написал десятки собственных тетрадей. Сотни, тысячи неповторимых мелодий! Но работа Себастьяна над той памятной тетрадью имела самые печальные последствия. Ведь ты знаешь, он писал её по ночам, при свете луны, и навсегда испортил себе зрение. А к старости почти ослеп.

Санька раскрыл тетрадь. На первой странице было крупно написано: «ИНВЕНЦИИ».

Санька покосился на дедушкин рояль, словно впервые увидел его.

Рояль стоял на самом видном месте, у окна. Заново отполированный, помолодевший, он был хорошо настроен и, видимо, больше не страдал и не тосковал.

Санька робко подошёл к инструменту, рядом с которым провёл семь лет жизни и которого, оказывается, совсем не знал. Мальчик стоял перед роялем молча, будто ждал, что тот заиграет музыку Себастьяна. Но рояль молчал. Потому что музыкальные инструменты имеют привычку молчать до тех пор, пока к ним не прикоснутся руки музыканта.

Дедушка, внимательно наблюдавший за внуком, поставил на резной пюпитр тетрадь Иоганна Себастьяна Баха и откинул крышку рояля.

Рояль приветливо улыбнулся белыми клавишами. И дедушка уверенно опустил на них руки.

Густые, спокойные аккорды заполнили комнату. Из этих аккордов стала проступать простая, как песня, мелодия.

Мелодия переходила от низких звуков к высоким, замирала и, вновь набирая силу, вдруг распадалась. И снова утопала в густых аккордах...

Сделав небольшую паузу, дедушка привлёк к себе Саньку и произнёс:

— В переводе с немецкого «бах» — это ручей. Но вот что сказал об Иоганне Себастьяне Бахе другой гениальный композитор Людвиг ван Бетховен: «Не ручей! — МОРЕ должно быть ему имя!»

Мечтатели

Маэстро

В одном большом городе жил старый дирижёр. Все уважали его, а музыканты из оркестра почтительно называли маэстро.

Из девяноста пяти оркестрантов никто и никогда не посмел бы сфальшивить при маэстро. Даже чуть-чуть, самую малость, еле заметно. Острое ухо маэстро всё слышало!

Но однажды на репетиции один из флейтистов сыграл на своей флейте так фальшиво, что музыканты, как по команде, перестали играть и испуганно уставились на дирижёра.

Маэстро удивлённо вскинул брови:

— В чём дело? Я не останавливал оркестра.

И вдруг все поняли, что маэстро ничего не заметил, пропустил фальшь мимо ушей.

Неужели он стал так плохо слышать?

По лицам своих музыкантов маэстро сразу догадался о случившемся. У него тяжело опустились плечи, будто кто-то сильный надавил на них. Его глаза медленно одного за другим оглядели оркестрантов. Потом он закрыл партитуру — большую нотную книгу, лежавшую перед ним на дирижёрском пульте, положил сверху костяную дирижёрскую палочку и, ни слова не говоря, покинул эстраду.

Он пересек пустой зал, и музыканты впервые заметили, какая у маэстро согбенная спина и старческая походка.

А маэстро, плотно прикрыв дверь, спустился вниз по широкой мраморной лестнице. Увидел на выходе сторожа, которого знал с незапамятных времён, сказал ему:

— Прощайте, голубчик!..

С тех пор маэстро больше не становился за дирижёрский пульт.

А оркестранты часто вспоминали о нём:

— Какой это был музыкант!

— Как он чувствовал и понимал музыку!

— Какое счастье было играть с ним!

И каждый с сожалением думал о том, что больше не придётся играть под дирижёрскую палочку маэстро.

Никто не знал, что каждый вечер, далеко за полночь, старый маэстро надевал калоши, накидывал плащ и, вооружившись зонтом, отправлялся в концертный зал.

Сторож почтительно стаскивал с головы шапку и говорил:

— Милости просим...

Маэстро величественно поднимался по едва освещённой беломраморной лестнице и, оставив калоши и зонт у двери, входил в полутёмный зал.

В глубине круглого зала, напоминающего внутренность золотой чаши, возвышался дирижёрский пульт.

Маэстро привычно становился к нему...

И тогда маэстро казалось, что перед ним в свете ярких софитов расположился весь его оркестр в полном составе. Вот они, скрипачи, альтисты, виолончелисты, контрабасисты, фаготисты, флейтисты, гобоисты, кларнетисты, трубачи, тромбонисты, валторнисты, литавристы — словом, все, все, все...

Маэстро предупреждающе стучал костяной палочкой о край пульта и начинал репетицию. Он старался, чтобы оркестр звучал ровно и слаженно. Чтобы не слишком гудели могучие контрабасы и хорошо были слышны скрипки с виолончелями. Чтобы звонкоголосые трубы не мешали звучать гобоям и кларнетам. И чтобы не очень гроыхали барабаны и литавры, которые — дай только волю! — могут заглушить весь оркестр.

Дирижёрская палочка маэстро без усталости чертила в воздухе неуловимые фигуры, круги и бесконечные кривые.

В самый разгар репетиции ему становилось так жарко,

что он сбрасывал на спинку стула пиджак. Потом летела в сторону белая бабочка-галстук. Волосы сбивались, лезли на глаза. Рубашка на спине становилась мокрой — хоть выжимай. А маэстро в сотый раз повторял отдельные такты музыки, показывал вступление валторне или арфе, серебряным колокольчикам или медным тарелкам. Он нанизывал ноту на ноту с такой тщательностью, словно собирал на одну нить рассыпавшиеся жемчужинки...

В его памяти с удивительной ясностью возникал каждый проведённый им концерт, каждая репетиция, каждый звук, каждый штрих. И он покидал концертный зал усталый, словно на самом деле только что закончил здесь тяжёлую репетицию...

Но вот наступила зима. На улице стало ветрено и морозно. Старый маэстро перестал выходить из дому. Он целыми днями

сидел в глубоком кожаном кресле, укутанный в толстый шерстяной плед.

Два раза в неделю его навещал доктор, который успокаивал маэстро, а своим знакомым по секрету говорил:

— Плох старик, совсем плох! Всё жалуется на холод, хотя в квартире жарко, как в печке.

На круглом столике у кресла толпились микстурные пузырьки в белых бумажных передничках. Но от них маэстро не становилось теплее. Ему казалось, что в грудь ему вложили большой кусок льда.

В один прекрасный день доктор застал кресло маэстро пустым.

Доктор снял шляпу, постоял немного, тяжело вздохнул и сказал:

— Я оказался прав. Бедный, бедный маэстро!

И ушёл досказывать своим знакомым печальную историю старого маэстро.

Доктор не знал, что в его отсутствие к маэстро без всякого предупреждения ворвался главный администратор концертного зала.

— Выручайте, маэстро! — закричал он. — Сегодня к нам в город приехал знаменитый пианист. Он пробудет всего лишь день. И согласен дать концерт с оркестром. Но времени для репетиций нет. Кто же, кроме вас, сможет провести концерт без единой репетиции?

— Помилуйте! — воскликнул маэстро. — Я стар и плохо, очень плохо слышу!

Администратор забежал по комнате.

— Что же делать? Что же делать? — стонал он. — Неужели сорвётся такой замечательный концерт?

И тут маэстро в волнении сбросил с себя плед. Он хорошо знал, как плохо, когда может сорваться концерт.

От этих мыслей маэстро бросило в жар. Лёд в его груди стал таять, таять и крупными каплями выступил на лбу.

Без лишних слов он достал из шкафа фрак. Тщательно приладил к воротничку рубашки галстук-бабочку и торопливо отправился следом за администратором.

Когда маэстро появился на эстраде, оркестранты торжественно поднялись со своих мест. И вся публика тоже подня-

лась. А когда маэстро приблизился к дирижёрскому пультау и шагнул на подставку, в зале послышались аплодисменты и возгласы:

— Bravo, маэстро! Bravo!

Громче всех кричал доктор, который тоже оказался на концерте. Он тут же принялся рассказывать своим знакомым о том, как ему удалось вылечить маэстро.

А маэстро чуть приподнял руки.

Взметнулись вверх смычки скрипок, альтов, виолончелей и контрабасов, и оркестр стал похож на огромного колючего ежа.

Пианисту игралось легко и хорошо, хотя маэстро едва шевелил пальцами и ладонями рук. Со стороны казалось, будто он стоит и ничего не делает. Но оркестранты хорошо понимали дирижёра. Достаточно было мимолётного взгляда, лёгкой улыбки или, наоборот, суровой складки на лбу, и всё моментально передавалось туда, к пультам, за которыми сидели чуткие музыканты, очень любившие своего маэстро.

Временами, когда оркестр играл тихо, маэстро с трудом различал отдельные звуки. Но это нисколько не мешало ему. То, что не слышали уши маэстро, звучало внутри него...

Вернувшись домой, маэстро, не раздеваясь, подошёл к круглому столику, где лежали микстурные пузырёчки, сгрёб все лекарства и выбросил их в мусорное ведро. Потом распахнул окно и, широко раскинув руки, протянул их вперёд, будто представший перед ним город, залитый огнями, был оркестром, которым маэстро собирался дирижировать.

Анхелк

Гоар торопливо разливала готовый мацони в пол-литровые банки. Она боялась опоздать к скорому поезду Ереван — Баку и мысленно была уже на станционном рынке.

Мгер вертелся тут же, делая вид, что помогает.

— Ай, аствац — господи ты боже мой! — наконец рассердилась Гоар. — Перестанешь ты топтаться, как козёл на привязи? Из-за тебя я попаду на рынок к шляпкиному разбору!

— Мам,— спросил Мгер, пропуская мимо ушей слова матери. — А дядя Аршак, он что... зайдёт к нам на этой неделе?

— Аршак-даи? — насторожилась Гоар. — Ты что это надумал, бесёнок?

— Я-а? С чего ты взяла? — отступил от матери тощий и длинный, как жердь, шестнадцатилетний бесёнок. И вдруг неожиданно для себя выпалил: — Мам, завтра я уезжаю в Баку. Хочу учиться в музыкальном училище...

— В Баку? В Баку захотел, значит,— простонала Гоар. — Ты думаешь, я побегу за тобой в Баку продавать мацони, чтобы тебя прокормить? Мало тебе, что учился здесь в музыкальной школе? Мало тебе разных скваретов?

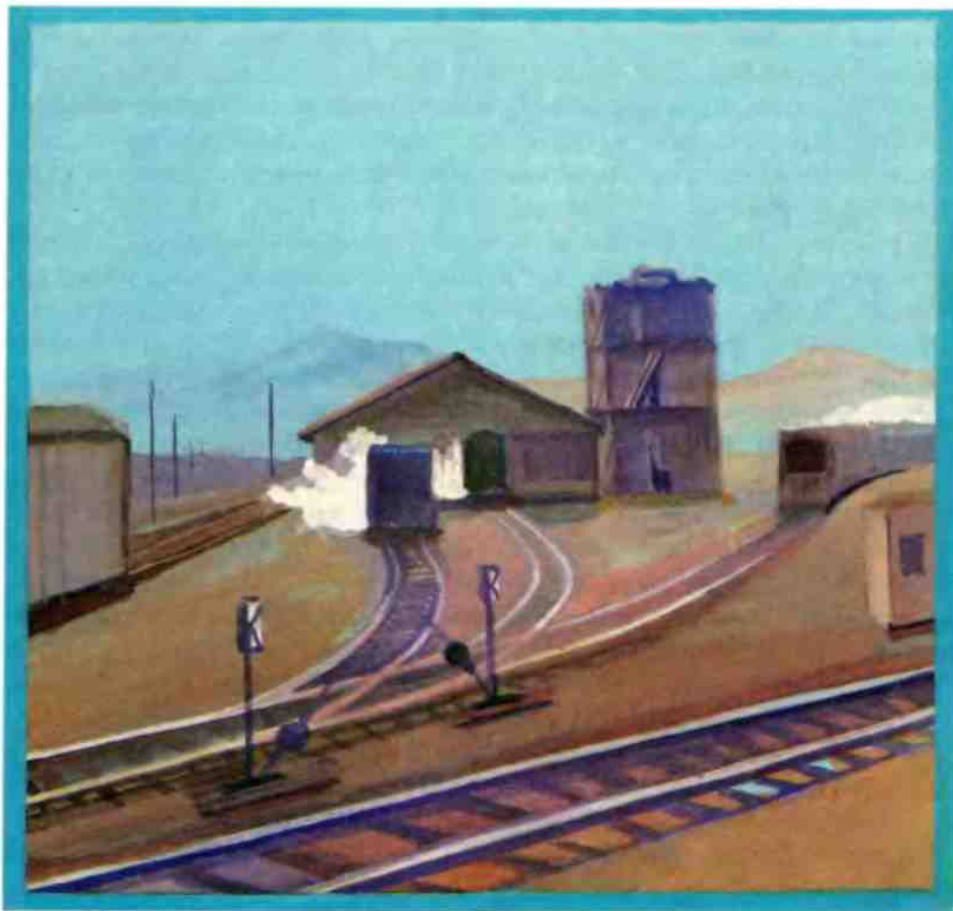
— Не скварет, а квартет. И вообще, я уже взрослый человек...

Не дослушав сына, Гоар зарыдала и, задохнувшись слезами, сорвалась с места и выбежала из дому.

«Начинается!» — тяжело вздохнул Мгер.

Ожидание бури — хуже самой бури: никогда заранее не знаешь, сколько она продлится и сколько в ней будет баллов...

Окна квартиры выходили на небольшой дворик. Он был обнесён низким забором из лёгкого, как губка, морского камня — смеси мелких ракушек и песка, — который легко режется простым ножом. За забором виднелась часть улицы,

такой узкой, какие бывают только в старых крепостях. Туда-то и устремил Мгер тревожный взгляд.

Так и есть! В конце улицы появился громадный, как скала, дядя Аршак — родовой мудрец, судья и тамада.

Мгер поёжился и стал искать глазами кого-то в толпе родственников, следовавших за дядей Аршаком. И наконец, увидел того, кого искал: маленького человека с седым ёжиком волос, небрежно и бедно одетого. Все давно уже забыли его настоящее имя, и к нему прилипла кличка Анхелк. Этим словом обычно называют людей со странностями.

Анхелк всегда следовал за дядей Аршаком. Он ходил с ним даже на работу, в пыльную мастерскую, где с немым восхищением смотрел на мощные волосатые руки каменотёса, которые ловко орудовали резцом и молотком, выбивая на кусках мрамора затейливые узоры.

Анхелк, цокая языком, ощупывал своими тонкими нервными пальцами изгибы орнамента. Казалось, он пытался проникнуть в тайны мастерства, которыми безукоризненно владел дядя Аршак.

Все давно привыкли к тому, что дядя Аршак и Анхелк неразлучны. Но никто не понимал, почему дядя Аршак, умный, сильный, трудолюбивый, так привязан к этому обиженному судьбой человеку.

Порою казалось, что дядя Аршак вовсе не замечает Анхелка, но если того не было поблизости, он начинал волноваться не на шутку.

Дядя Аршак молча и снисходительно выслушивал жалобы родственников на Анхелка, что тот, мол, нахлебник и лентяй. Но самого Анхелка никто не обижал. Был случай, когда Анхелк, раненный чьими-то недобрыми словами, исчез из города. Дядя Аршак, бросив все дела, пропадал где-то больше недели. И вернулся вместе с Анхелком, даже не упрекнув того за побег. Гораздо хуже пришлось обидчику, который с тех пор боялся попадаться дяде Аршаку на глаза.

Словом, когда на горизонте появились два главных родственника, а за ними и другие родственники, поднятые по тревоге, Мгер понял, что расправа скоро начнётся.

Дядя Аршак, едва появившись во дворе, приказал вынести столы и поставить их в ряд.

Собравшиеся выложили на столы свёртки, кульки, сумки, хурджины. Вся эта живописная тара была набита бараниной, рыбой, гранатами, айвой, яблоками, урюком, кишмишом, сушёной дыней, нарезанной узкими полосками и заплетённой в косу.

Таков был закон посещения бедных домов.

Поручив разделку снеди нескольким молчаливым старушкам с медными бляшками вокруг лба, женщины с неподдельной жалостью, которая сродни безжалостности, навалились на бедную Гоар. Та то и дело прикладывала к покрасневшим векам чёрный платок.

Первой начала старшая из тёток:

— Э-э-э, сама-да виновата. Всю жизнь морочила мальчику голову — музыка, музыка! Теперь рви на себе волосы!

— Вспомни-ка, — наваливалась очередная родственница. — Твой отец кто был? Каменщик-э, каменщик. Половина кладбища строил. А отец твоего отца? Он что, на музыке играл? А Маркара — отец твоего сына, что он делал?

— Ай, аствац! Зачем ты ушёл от нас, Маркара-джан... — завывала родовая кликуша, решив, что и ей нельзя оставаться в стороне. — Вай-вай-вай-вай!

Женщины скорбно помолчали. Все знали, что, потеряв кормильца, Гоар не считала себя несчастной: ведь у неё оставался сын — самое большое богатство, какое может быть у женщины. И тут вдруг такая беда! Единственная её отрада, свет её очей, ненаглядный Мгерик собирается покинуть дом!

Пока женщины судачили, мужчины держались в стороне, зная, что последнее слово всё равно за ними.

В углу двора организовалась живописная группа. Раздвигали баранину, играли в нарды.

Сам дядя Аршак священнодействовал над дымящимся мангалом, на котором в жару древесных углей томился шашлык, и мешать ему было небезопасно.

Осиротевший Анхелк слонялся по двору...

Наконец, последовало приглашение к столу.

Тамада Аршак, умевший хорошо и красиво говорить, провозгласил:

— Я всячески приветствую современную молодёжь, кото-

рая всё своё время куда-то стремится. Пусть стремится и устремляется. Скатертью дорога. Надо будет — поможем! Пусть бросают свои дома и едут куда хотят, когда хотят и к кому хотят. Мы не такие отсталые, чтобы тормозить нашу Родину! Но почему, спрашивается, именно этот сорванец, наш Мгерик, который только и знает, что тренькать на своём таре, должен покинуть нашу любимую и несравненную Гоар? Ему что, Кировабада мало? Так он что, решил Баку перетренькать? Ай, шан вурты! Твоё здоровье, Гоар! — И, плеснув в сторону Мгера вино из рога, добавил: — И ты будь здоров, аллаверды и тебе, бессердечный щенок!

— Не отпустите — убегу, — буркнул загнанный в угол «щенок», к которому обратились впервые, словно не он был виновником всего этого переполоха.

— Хорошо, — сразу согласился дядя Аршак. — Пусть! Но говорю тебе как отец, даже с лучшим чувством, как отец: убежишь, догоню и косточки пересчитаю! Это моё незыблемое слово!

Много ещё незыблемых слов произнёс дядя Аршак...

Над двором мерцали живые звёзды. Луна освещала разорённый стол. Старушки, усевшись в ряд, поклёвывали носами, отчего медные налобные бляшки нежно позванивали. Летучие мыши, шурша крыльями, облетали двор, готовясь к своему ночному пиршеству. Мужчины, обнявшись, пели...

Вдруг Анхелк попросил тар.

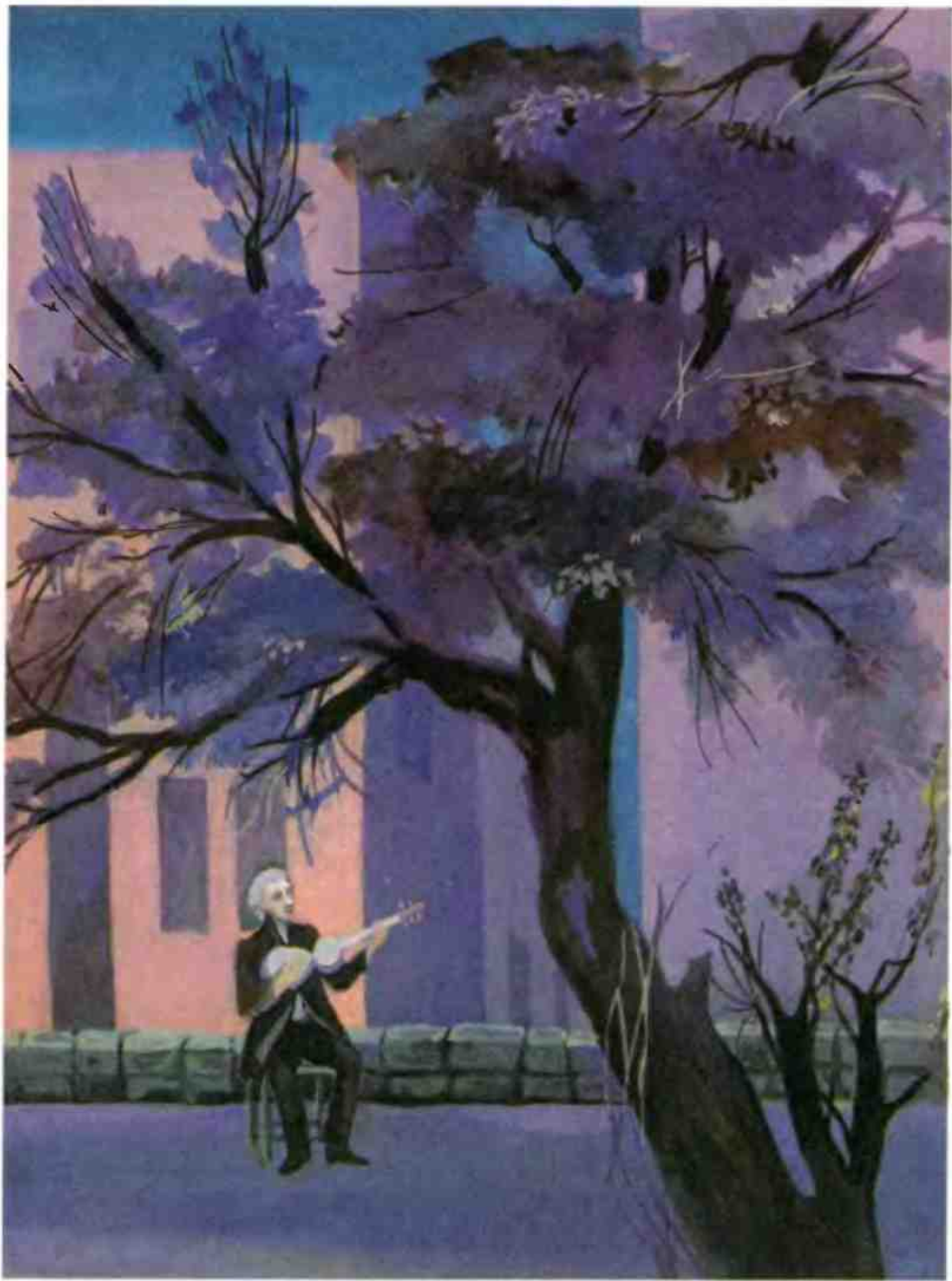
Мгер оживился и принёс инструмент.

Анхелк бережно прижал тар к груди и вскинул голову к небу. Лицо его, обращённое к звёздам, стало юношески чистым, глаза засветились так, словно в его зрачки упали две самые яркие ночные звезды.

Он запел...

Голос у Анхелка был высокий, немного резковатый, мелко вибрирующий. Он чётко пел слова своей импровизации, иногда переходя на едва различимый шёпот. Казалось, что он поёт не рядом, а где-то далеко, как будто с ажурного балкона минарета.

В эти редкие минуты людям казалось, что Анхелк разговаривает с богом. Все боялись пошевелиться или вымолвить словечко, так как знали, что даже шорох крыльев летучей

мышь может спугнуть певца и вернуть его к земному безумию, где сострадание к нему становилось одновременно и осуждением.

И надо было видеть дядю Аршака! Он слушал, подавшись всем корпусом вперёд, с широко открытыми от восхищения глазами. С лицом ребёнка, увидевшего чудо!

Случайно переведя взгляд на лицо племянника, он вдруг открыл тайну чужой души. Он увидел звёзды и в глазах Мгера.

— Вах! — изумлённо воскликнул он, спугнув Анхелка. — Один безумец породил другого!

Глаза Анхелка погасли. Он отложил тар и принялся что-то невнятно бормотать.

Но в глазах юноши продолжали мерцать звёзды. И дядя Аршак скалой двинулся к нему.

— Ара-эй! — закричал он. — С чувством, как отец, даже с лучшим чувством, как отец, говорю тебе: хочешь в Баку — отправляйся в Баку. Это моё последнее незыблемое слово!

Мечтатель

Ещё одна мать плакала на груди у сына, словно провожая его на войну...

Ещё один поезд Баку — Москва лютой зимой 1951 года подходил к перрону Казанского вокзала Москвы...

Рубен натянул на себя потёртое демисезонное пальто, из которого слишком свободно высывались кисти рук и тонкая шея с острым кадыком. Надел древнюю каракулевую шапку, с которой ветер давно уже без труда сдувал чёрные кудряшки. И нерешительно ступил на скрипучий снег перрона.

Парусиновые туфли, за несколько минут до этого смазанные влажным зубным порошком, сжались от сорок второго размера до сорокового...

Чуть не захлебнувшись от крепкого морозного воздуха, Рубен прямо с вокзала отправился в Дом культуры Армении к известному профессору Московской консерватории, который однажды приезжал в Баку с концертами.

И с замиранием сердца робко позвонил в профессорскую квартиру.

Дверь открыла мать профессора, очень старая женщина в армянском национальном костюме.

— Авета Карповича нет дома,— сказала она юноше.

— А когда он будет?

— Этого никто не знает, и он сам тоже: очень занят. Приходи, сынок, завтра...— Взглянув на сморщенные парусиновые туфли Рубена, она вдруг засуетилась: — Как же ты, сынок... Подожди немного, я сейчас... Стой, никуда не уходи...

Она исчезла в квартире, оставив дверь открытой.

Через некоторое время вернулась, сунула Рубену свёрток.

— Что вы, что вы мецмайрик! — запротестовал Рубен.— Не надо.

Но старушка быстро захлопнула дверь.

В свёртке оказались толстые шерстяные носки, пуховые варежки и ношенные, но вполне добротные ботинки.

Носки пришлись впору, а ботинки были среднего дамского размера, и Рубен, полюбовавшись ими, со вздохом поставил у двери.

— Ба! — вдруг послышался знакомый голос.— Салам алейкум! Какими судьбами?

Перед Рубеном стоял земляк. Счастливец, принятый в прошлом году в Московскую консерваторию.

— Это твои ботинки? — спросил земляк, алчно разглядывая драгоценную вещь.

— Хотели стать моими, да размером не подошли,— с сожалением произнёс Рубен.

— Может, на меня налезут?

Земляк уселся прямо на пол и стал терзать ботинки.

— Ты их на нос примерь. Будет как раз... А ну, поставь на место! Скажи-ка, лучше, где мне можно найти жильё?

— Чего захотел! Я целый месяц бегал, как угорелый, по всей Москве, пока устроился. Зато снял комнату в самом центре — у Никитских ворот. Комната — дворец, 12 квадратных метров! Хозяйка целый день на работе, сын — в институте. Правда, меня через неделю чуть не выгнали...

— За что?

— Э-э, целая история-да! Понимаешь, у них не было пианино. Я со справкой из консерватории—в музпрокат.

А там только концертные рояли — хвост три метра. Давайте, говорю, концертный, куда денешься? Привезли, понимаешь, втиснули в комнату. Хвост упирается в стену, а клавиатура у самого порога. Приходит хозяйка с работы и чуть не в обморок. Хотела выгнать меня вместе с роялем. А сын — мировой парень! — говорит: «Зачем волноваться? Пусть прибавит мне на сигареты, тебе на чулки и живёт. Всё равно, скоро переезжаем на новую квартиру». — «Пусть, — махнула рукой хозяйка. — Только устраивайтесь как хотите, — раскладушку негде поставить!» Мы с хозяйским сыном каждый вечер разыгрываем на картах, кому спать на рояле, кому под роялем.

— Мне бы так, — с завистью вздохнул Рубен.

— Не обижайся, друг. Я бы тебя к себе взял, но сам понимаешь, держусь на волоске... Ва! Погоди, дорогой, у меня есть адреса. Для себя собирал, на всякий случай, вдруг думаю, они внезапно переедут, меня с собой не возьмут, куда денусь? На, бери, мне не жалко. Попаду в беду — приютишь...

Земляк проводил Рубена по первому адресу, в Замоскворечье, в какой-то глухой переулок, а сам умчался в консерваторию на лекции.

Переулок Замоскворечья, где оставил его земляк, был когда-то старым купеческим районом Москвы. Здесь ещё сохранились деревянные срубы, обнесённые штакетником, с калитками и собачьими будками.

После шумного центра у Рубена всё ещё голова шла кругом.

Разыскав нужный дом, Рубен увидел двух симпатичных старичков, до того аккуратных на вид, будто они собрались в гости или в церковь.

У старушки было румяное лицо без единой морщинки. У старика — седые усы и узкие монгольские глаза. На груди висел начищенный до блеска Георгиевский крест.

В просторной комнате с большой выбеленной печью пахло ванилью и слабо, совсем деликатно — махорочкой.

Между Рубеном и старичками сразу же завязалась приятная и оживлённая беседа: откуда прибыл, почему покинул отчий дом, кто матушка да кто батюшка, царство ему небес-

ное. И не забыл ли Рубен прихватить с собой паспорт. И всё такое прочее: и задушевное, и опасливое.

После горячего чая из настоящего тульского самовара и наличных денег, которые Рубен внёс сразу за месяц вперёд, он окончательно завоевал доверие хозяев.

Те с жалостью глядели на худую шею юноши с острым кадыком, с горечью и гордой нежностью вспоминали своих сыновей, не доживших и до двадцати из-за проклятой войны.

Старик, рассмотрев пробивающиеся усики юноши, вспомнил, что у него ещё с первой мировой припрятана немецкая бритва «Золинген», и стал думать о том, что, может быть, подарит драгоценный трофей постояльцу.

Поблагодарив за чай, Рубен открыл футляр и достал скрипку. Хозяйка и хозяин чинно уселись на потёртый дерматиновый диван с зеркальцем на высокой спинке, положили руки на колени, как это делают перед объективом фотоаппарата, и приготовились слушать.

Рубен был в душе артистом. Публика всегда вдохновляла его. Он почувствовал, что именно сейчас будет иметь полный успех.

Он сыграл с особым подъёмом нежную, как молодой берёзовый лес, мелодию Чайковского.

Старушка украдкой вытерла слезу. Старик додумал до конца недавно начатую мысль: «Подарю, ей богу, отдам «Золинген», для такого не жалко!»

Одержав лёгкую и полную победу над душами старичков, Рубен решил заняться программой.

Тот, кто никогда не играл на скрипке, не знает, что это за труд. Это работа — до семи потов, до мозолей на подушечках пальцев, до ломоты в пояснице и гудения в ногах, до отупения, до истощения нервной системы, до полного упадка физических сил...

Когда Рубен без сил опустился на прохладный дерматин дивана, всё же одолев несколько трудных мест из каприсов Паганини, на улице уже было темно. За весь день он ни разу не видел хозяев.

Между тем перепуганные старички спрятались на кухне

и появились оттуда лишь тогда, когда Рубен уложил скрипку в футляр.

Они вошли к нему серьёзные, чинные, видно, хорошо подготовленные к разговору. Не торопясь уселись за квадратный дубовый стол, над которым свешивался матерчатый абажур. И старик, пригладив белоснежную скатерть широкой ладонью, усыпанной гречкой веснушек, хорошенько прокашлялся. Он сказал сурово, словно читая приговор:

— Мы тут посоветовались с Марьей Тимофеевной, супругой нашей, и решили, что совместной жизни у нас с тобой не получится. Послушать тебя, — старик кивнул на скрипичный футляр, — приятно, если, конечно, для души. Но то, что ты сотворил с нами за целый день, это, знаешь, того... Извини, сынок, мы люди старые, привыкли к покою... А деньги мы тебе зараз же и вернём, не сомневайся.

Марья Тимофеевна разжала сухонький кулачок и вручила Рубену обратно его помятые купюры. А потом накормила досыта и постелила на диване перину, а под голову положила две пышные подушки.

* * *

Весь следующий день Рубен ходил по адресам, оставленным ему земляком. Но его ни разу даже на порог не пустили — всех отпугивала скрипка.

Поздним вечером, от усталости едва передвигая ноги, Рубен подкрепился двумя булочками и, не зная, что делать дальше, снова направился к Дому культуры Армении.

Вахтёр, усатый ворчливый старик, сердито сказал: — Твой Авет ещё не приходил, а пустить тебя в Дом без мероприятий, не пущу. Не велено после десяти посторонним.

Рубен потолкался в Армянском переулке — вдруг придёт? — потом решил: «Пойду на вокзал, переночую на скамейке».

Он пошёл к Садовому кольцу, сел на троллейбус и, проехав несколько остановок, спросил соседа:

- Скоро вокзал?
- Какой вам, собственно, вокзал?
- Казанский.

— Вы, молодой человек, едете в обратном направлении...
Рубен выскочил из троллейбуса и забрёл на тихую Тверскую-Ямскую, совершенно пустынную в этот поздний час. И вдруг замер, как зачарованный.

Его, южанина, впервые увидевшего настоящую московскую зиму, поразила прелесть этого снежного вечера. Густой и пушистый снег, медленно кружа, падал на землю блестящими звёздочками. Упав, они продолжали мерцать и шевелиться, как тополиный пух. От фонаря-тарелки на мостовой лежал жёлтый треугольник света, похожий на призрачный веник. Слабый ветерок слегка покачивал фонарь, и казалось, что жёлтый призрачный веник метёт мостовую, угоняя снежную пыль в тёмную глубину переулка.

Рубен любовался этим чудом, пока не почувствовал, что его трясёт мелкая дрожь. Он совсем ооченел. Юркнув в первый попавшийся подъезд большого старинного особняка, он прижался к горячей батарее и с блаженством закрыл глаза: провести здесь ночь — большего он не желал.

Неожиданно из подлестничной каморки вышла огромная дублёрка с поднятым воротником, однако без головы и без ног.

— Ты чего безобразишь по ночам? — выскочил из дублёрки старческий женский голос. — Вот кликну милицию!

Рубен испуганно оторвался от батареи и направился к выходу.

Но дублёрка почему-то вдруг переменяла решение:

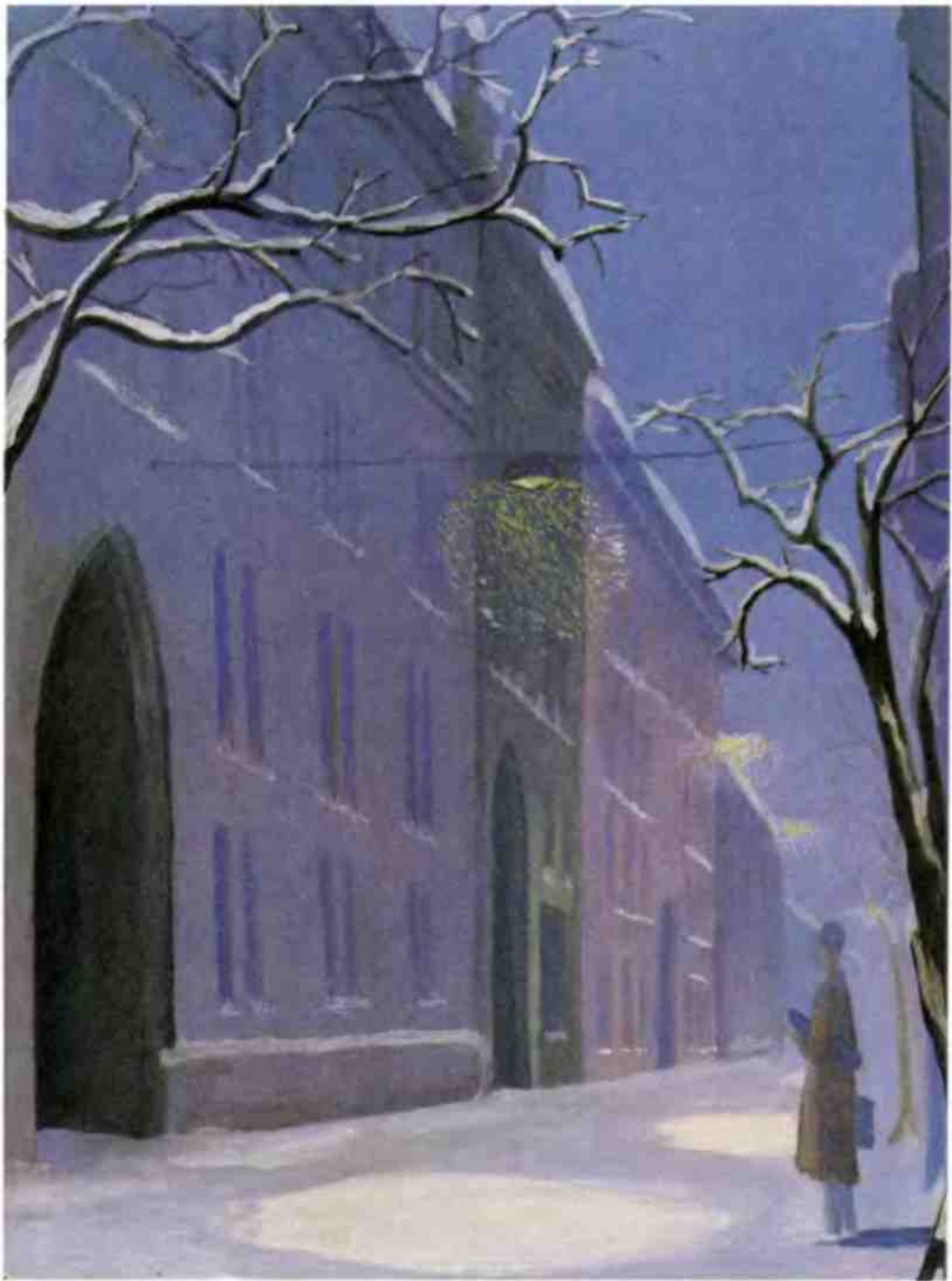
— А ну, ходь за мной! И без милиции разберусь...

Потом они сидели в маленькой каморке под лестницей. Рубен, обжигая губы, жадно пил из алюминиевой кружки горячий чай и рассказывал о своих неудачах с квартирой.

— Господи, до чего ты тощий! Худущий, как смертный грех. А дрожишь-то, дрожишь, хоть и весь мой кипяток перевёл. Вот что я тебе скажу, милай: тикай отсюда, пока не поздно... Э-эх, горемычный, и как таких в Москву пускают? Куда только матери глядят?

— Никуда я не уеду, мамаша, у меня мечта, понимаете, мечта!

— Ну, мечтай, мечтай, — ответила мамаша. — Может, чего

и намечтаешь.— И, зевая, добавила: — Пойду-ка обгляжу хозяйство...

— Хотите я? — услужливо подскочил Рубен.

— А чего? Давай, давай, отработывай тепло,— охотно согласилась та.

Рубен выскочил на улицу, снова полюбовался призрачным веником, который по-прежнему подметал мостовую, и, вновь ощутив ужас холода, вбежал обратно в каморку:

— Всё тихо, товарищ начальник! — отрапортовал Рубен.— Кроме меня, других преступников не обнаружено!

В шесть утра добрая душа выставила Рубена на улицу:

— Иди, милай, иди. Не положено в служебном помещении. А то меня прогонят с работы, и не пикнешь. И вот что я тебе скажу на прощание, если ты такой упрямый дурень. Есть у меня плотник знакомый. У него на голове хоть кол теши. Так ты сходи к нему...

Плотник жил в Колобовском переулке, неподалёку от живописной церквушки.

Спустившись в полуподвал, Рубен решительно и нетерпеливо нажал на кнопку звонка.

Дверь отворилась.

Перед ним стоял крепкий человек средних лет, в цветастой косоворотке, с красным карандашом за ухом и рубанком в руках. Из рубанка свисал длинный завиток стружки.

— Здравствуйте,— сказал Рубен и на всякий случай спрятал футляр со скрипкой за спину.

Плотник приветливо улыбнулся и молча провёл Рубена в комнату. Собственно говоря, это была не комната, а мастерская. Вдоль одной стены лежали готовые табуретки, скамейки и кухонные полки. Вдоль другой — большущий верстак с наваленными на него заготовками. Пахло сосной. Свежо, как в лесу.

Усадив Рубена против себя, плотник, продолжая улыбаться, вытянул из-за уха карандаш и написал на обрывке бумаги:

«Чего надо?»

Заразившись весёлой игрой в молчанку, Рубен написал в ответ: «Жить надо. И на скрипке играть надо — много и громко!»

Плотник усмехнулся и, круша грифель, написал: «Хоть танцуй! Сколько положишь?»

Рубен показал два пальца.

Плотник удовлетворённо кивнул головой, показывая, что сладились, и преспокойно принялся за очередную табуретку, словно забыв о присутствии постороннего человека.

Постояв в нерешительности, Рубен прошёл в глубину мастерской, где стояла узкая железная кровать, аккуратно застланная солдатским одеялом, а рядом некрашенный стол. На столе жарко краснела спираль электроплитки.

Рубен повертел над плиткой кисти рук, вытащил из футляра скрипку и принялся тщательно канифолить смычок.

Плотник повернул к нему голову и подмигнул. Рубен тоже подмигнул и принялся за гаммы. Он по опыту знал, что люди, мало знакомые с работой музыканта, особенно не переносят гаммы. И решил — пан или пропал! — сходу испытать хозяина.

Гаммы, упражнения — все эти бессмысленные для непосвящённого уха нагромождения звуков не производили на плотника никакого впечатления, словно нервы у него были из просмолённых канатов.

Поиграв гаммы и упражнения, Рубен стал выбирать из разных произведений самые трудные места, пассажи, штрихи, мешал и смешивал их без всякой, казалось, последовательности. Плотник не покладая рук орудовал пилой, молотком и рубанком в той последовательности, из которой в конце концов получалась табуретка.

Так, до самого вечера, один разучивал каприсы Паганини, а другой делал кухонные принадлежности.

Работу они бросили одновременно.

Как истинный кавказец, Рубен считал, что знакомство требуется отпраздновать. Без лишних слов накинул на себя пальто и выскочил в переулок. Купив сыру, колбасы, батон хлеба, он вернулся обратно.

Звонил, звонил, хозяин не открывает.

«Вот так фокус! — ужаснулся Рубен. — Неужели раздумал?!»

Повернулся спиной к двери и заколотил по ней ногой. На шум вышла соседка.

— Чего колотишь? — набросилась она на Рубена.— Свет у нас погас, видишь, чинят?

В коридоре на стремянке стоял парнишка-монтёр и возился с пробками.

— Потому и стучу, что звонок не работает! — огрызнулся Рубен.

— Стучи, не стучи, всё равно твой глухонемой не услышит. У него там заместо звонка лампочка вспыхивает.

Рубен чуть не выронил из рук покупку: глухонемой!

Монтёр сказал: «Готово!» Рубен снова нажал на кнопку звонка, и дверь гостеприимно распахнулась.

* * *

К ночи Рубен уже без труда понимал жесты и мимику весёлого плотника и глядел на него, как на верного друга.

Глухонемой тоже смотрел на квартиранта доброжелательно.

Слов не было. Но плотник всё равно умудрялся высказывать свою симпатию жестами: он для Рубена готов на всё! Может сделать скамейку, полку, топчан, гроб, да что душе угодно — руки у него золотые.

Довольный тем, что может оказать хорошему человеку услугу, плотник стал готовиться ко сну.

Кровать была одна.

Хозяин бросил на верстак тулуп, старое грубошёрстное одеяло, сгрёб под изголовье заготовки, и Рубен, счастливый тем, что у него есть жильё, растянулся на верстаке.

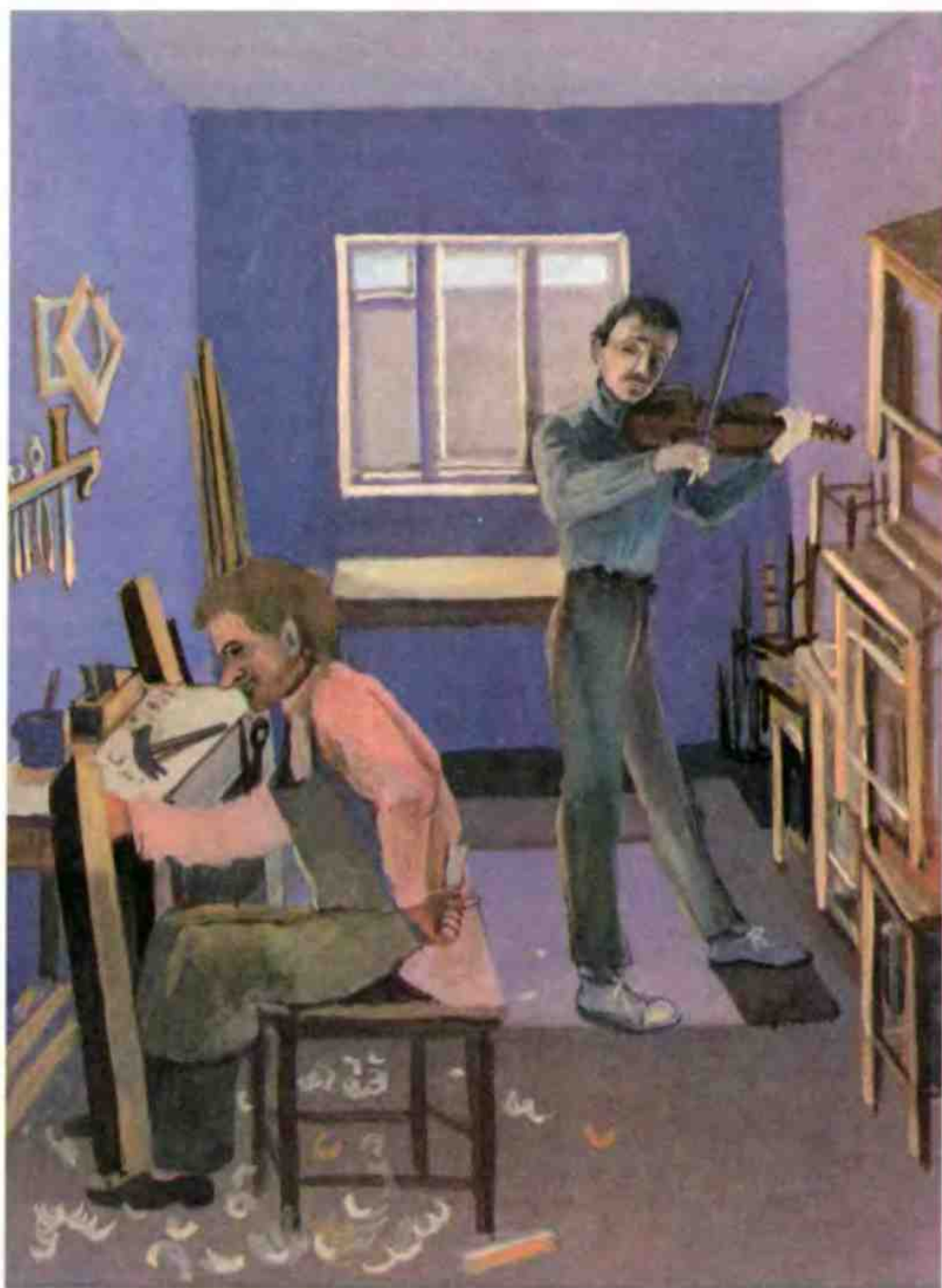
Было жестковато, но вполне уютно.

Утром его разбудил стук молотка.

На столе дымилась картошка.

Рубен бодро соскочил с верстака, плеснул в лицо ледяной воды из-под крана, проглотил несколько картофелин и принялся за скрипку.

Лишь убедившись в том, что хорошо разыгрался, он поехал в консерваторию, смекнув, что там он, скорее всего, повидает профессора.

Поднимаясь по мраморной лестнице, он вдруг ощутил странное чувство — смесь гордости, радости, робости, страха и счастья. Ведь по этим ступеням в своё время ступали Скрябин, Чайковский, Рахманинов, Танеев.

Это удивительное восхождение прервалось строгим вопросом дежурной по этажу:

— Вы к кому, товарищ?

— К Авету Карповичу.

— Он вас приглашал? — Дежурная недоверчиво смотрела на Рубена.

— Да... Конечно... Даже настаивал... — соврал Рубен.

— Авет Карпович в сорок восьмом классе на четвёртом этаже, по коридору налево...

Рубен шёл к заветному классу стремительно, словно желая выбить плечом дверь. Рывком открыл, но за ней оказалась другая. И тут вся его решимость мигом испарилась.

Вторую дверь Рубен приоткрыл медленно, опасливо и просунул в образовавшуюся щель голову.

Профессора он узнал сразу.

— Закройте дверь! — резким голосом крикнул тот.

Рубен отпрянул от двери и пристроился тут же в холле на подоконнике.

Он не снимал пуховых варежек, всё грея руки и не отводя глаз от двери класса номер сорок восемь.

Прошёл час, другой, третий. Студенты входили и выходили из класса. У них был такой будничный вид, будто они находились не в храме, каким представлялась Рубену консерватория, а в домоуправлении или в столовой. Удивительно!

Наконец, из класса вышел и сам профессор — среднего роста, очень подвижный, со взлохмаченными чёрными волосами, сросшимися бровями и крупным носом — типичный восточный облик.

Рубен кинулся за ним.

— Здравствуйте, Авет Карпович! — холодея, сказал он.

— Приветствую, — кивнул профессор и бросил на Рубена цепкий взгляд. — Узнаю, узнаю, — вдруг добавил он, ткнув в Рубена пальцем. — Вы осветитель из Баку? Не думайте, что

я забыл про вашу оплошность на том концерте. Почему вы не притушили в зале свет, а? Из-за вас я всё время видел лица слушателей... Пойдите, пойдите, как вы очутились здесь со скрипкой?

И, смерив Рубена взглядом, он заметил на его ногах материнские ботинки:

— Так это о вас говорила мне мама? Сколько раз я просил её не вмешиваться в мои дела! Таких, знаете, завоевателей Москвы у нас немало. Ишь, француз выискался!

Рубен своим жалким видом напоминал скорее француза, который уже покидал Москву, но профессор продолжал называть его завоевателем:

— Наполеон, знаете, тоже пытался. Вы помните, чем это кончилось?

— Авет Карпович... Извините... Вы только послушайте...

— Ладно, только ради мамы, но предупреждаю — не более пяти минут!

В высоком светлом классе с двумя роялями и портретом Моцарта на стене Рубен торопливо полез в футляр за скрипкой.

Профессор, заложив руки за спину, нетерпеливо расхаживал по классу:

— У кого занимались в Баку? — спросил он. — Как же, знаю, прекрасный музыкант... Какую привезли программу?.. Вот как? Даже Паганини? А гаммы вы умеете играть? Вот и пожалуйста. И на этом, я думаю, расстанемся...

Но на этом они не расстались.

Профессор, не перебивая, внимательно прослушал всю программу. Потом с довольным видом уселся в глубокое кресло и закинул ногу на ногу.

— У вас больше шансов, чем у Буонапарте, — сказал он, пристально и несколько удивлённо разглядывая Рубена. — Вернее, может быть больше, если вы с этого дня будете заниматься не менее восьми часов в сутки. Учтите, минимум восемь! — И, весело блеснув глазами, добавил: — Исключением может быть только воскресенье. В воскресенье можете позволить себе роскошь — занимайтесь на три часа больше. Что поделаешь, коллега, наш хлеб тяжёлый!.. А ко мне приходите раз в неделю, по вторникам, в этот класс. До свидания, узурпатор!

Камни на скале

Мои дедушка и бабушка прожили в горах восемьдесят лет, их домик, подобно орлиному гнезду, ютился в расщелине между высоких скал.

Дедушка, построивший это жилище, дал ему название — Цорен. По-армянски это значит зерно. Он мечтал о том, что из его Цорена произрастёт колос. Из семян колоса — другие колосья. И когда-нибудь под самыми облаками появится большое село со многими людьми и многими домами.

Что только не приходит на ум, когда стоишь высоко в горах!

Могучие, застывшие стволы сосен похожи на гранитные колонны, воздух чист и прозрачен, как хрусталь, а звёзды так близко, что кажется, до них можно дотянуться руками.

Дедушка часто подходил к краю обрыва и доставал из-за пазухи зурну — деревянную дудку с раструбом, напоминающим распутившийся тюльпан, и, закрыв глаза, с упоением играл. Ветер подхватывал сильные, яркие звуки зурны и уносил их в горы. И они долго блуждали разноголосым эхом среди ущелий, превращая скалы как бы в трубы гигантского органа.

Дедушка был мечтателем. А у бабушки хватало забот:

к сорока годам у неё было семнадцать детей — девять мальчиков и восемь девочек.

Живая цепочка бабушкиных детей не застревала в родном доме. Она тянулась к подножию гор, к городам. Там дети становились нефтяниками, каменотёсами, плотниками, бондарями, швеями, ткачихами.

Дедушка огорчался, но никого силой не держал. Бабушка плакала, но тоже смирялась. Оба не могли понять, какая неведомая сила уносит детей из Цорена...

Дети не баловали стариков своими приездами.

— Почему они так редко приходят к нам? — сокрушалась бабушка.

— Мы с тобой вознеслись слишком высоко, — шутил дедушка. — Спуститься с высоты легче, чем подняться наверх.

Правда, дети не забывали стариков — на письма и деньги они не скупились.

Два раза в году дедушка стриг овец и, навьючив на осла тюк с шерстью, спускался в долину, где находилось большое село и почта.

Бабушка напоминала:

— Отец, не забудь...

Будто он мог забыть!

Возвращение дедушки было всегда радостным.

— Эге-гей! — кричал он издали, будоража эхом горы. — Радуйся, мать, из нашего зерна опять вышел неплохой урожай!

В доме, под иконой, на самом видном месте, лежал старый потёртый хурджин. В правую половину бабушка складывала деньги. В левую — вздыхая и прикладывая к губам, — письма, которые не могла прочесть.

А у самого дома, на ровном, как хорошо полированный стол, участке скалы старики завели счёт зёрнам из своих колосьев.

Скала превратилась в каменную страницу, исписанную сверху донизу.

Во главе каждой каменной строки — сверху вниз — были уложены большие камни. Каждый большой камень носил имя одного из детей, родившихся в Цорене. Бабушка часто

гладила рукой эти камни и шептала: «Это Мосес, Давид... Царство им небесное! Хорошие были мальчишки... Росли орлятами и погибли, как орлы... Сурен, Аршавир, Хорен... Хорен... коленка у него болела, когда уходил... Может, прошла? Господи, помоги ему!.. Авет, Согомон, Софья, Тамара, Сусанна... хроменькая она. Помоги ей господи, она ведь добрая, поверь мне, матери... Гоар, Татевик... Сохрани и помилуй всех моих детей!»

От больших камней слева направо раскладывались камни поменьше — внуки. Дальше по строчке лежали камешки ещё поменьше — правнуки.

Когда бабушке минуло сто лет — детей, внуков и правнуков было пятьсот одиннадцать человек. Теперь её звали самым почётным армянским именем — мецмайрик, что означало — старшая мать, мать всех матерей.

В день векового юбилея бабушки дедушка собрался в долину. Ушёл налегке, накинув на плечи праздничную бурку. Ушёл, чтобы купить бабушке подарок — новую шаль.

Из долины он не вернулся. Его принесли на следующий день плотно завёрнутого в чёрную праздничную бурку. Поверх бурки лежала шаль. Пышная бахрама шали волочилась по камням, подметая последнюю дедушкину тропу.

Навечно запелёнутого в бурку старика положили на площадке с летописью рода. Он лежал большой, неподвижный, как заглавная буква каменной страницы.

Бабушка сняла с бурки шаль, накинула её себе на плечи, опустила на колени перед дедушкой и замерла.

Люди из долины, которые принесли дедушку, молча стояли за бабушкиной спиной. Стояли до тех пор, пока сумерки не накрыли вершины гор.

— Пойдём с нами, мецмайрик, — тихо промолвил кто-то.

Это были первые слова, произнесённые за весь долгий печальный день. Люди в горах немногословны.

Бабушка молчала. Её больше ни о чём не спрашивали. И ничего не предлагали. Каждый из пришедших молча подносил к губам большую глиняную амфору с вином. Сделав глоток, передавал амфору другому и уходил, не оглядываясь.

Последний поставил сосуд с вином у изголовья дедушки...

Едва люди покинули Цорен, бабушка поднялась с колен. Прежде всего она сняла с первых двух строчек каменной страницы два больших камня — Мосеса и Давида, сыновей, погибших на войне, и положила их на дедушкину грудь. Потом принялась обкладывать бурку обломками скал. Она старалась носить камни потяжелее и укладывала их ровными рядами.

Когда вырос крепкий каменный холм, луна ушла за горы и наступила темнота. Бабушка выпила из амфоры глоток вина и, выплеснув остатки на могилу, ушла в дом. Она легла на овечьи шкуры, разбросанные по полу, и плотно завернулась в новую шаль.

На рассвете следующего дня, выйдя из дому, она увидела у могилы дедушки незнакомого человека.

— Ты кто? — спросила бабушка.

— Твой внук Арсен, мецмайрик, сын Давида. Я шёл навестить вас. А в долине мне сказали, что дедушка... Так и не увиделись.

Бабушка приникла к широкой груди внука.

— Расскажи о себе, — попросила она.

— Неудачник я, мецмайрик. Сначала работал для своих сестрёнок и братишек — ведь отец и мать рано покинули нас. Потом работал для детей. У меня ведь их много!.. Потому ничего не нажил.

Бабушка подвела Арсена к каменной летописи и указала пальцем на строчку, с которой был снят заглавный камень с именем «Давид».

— Какое же тебе ещё нужно богатство?

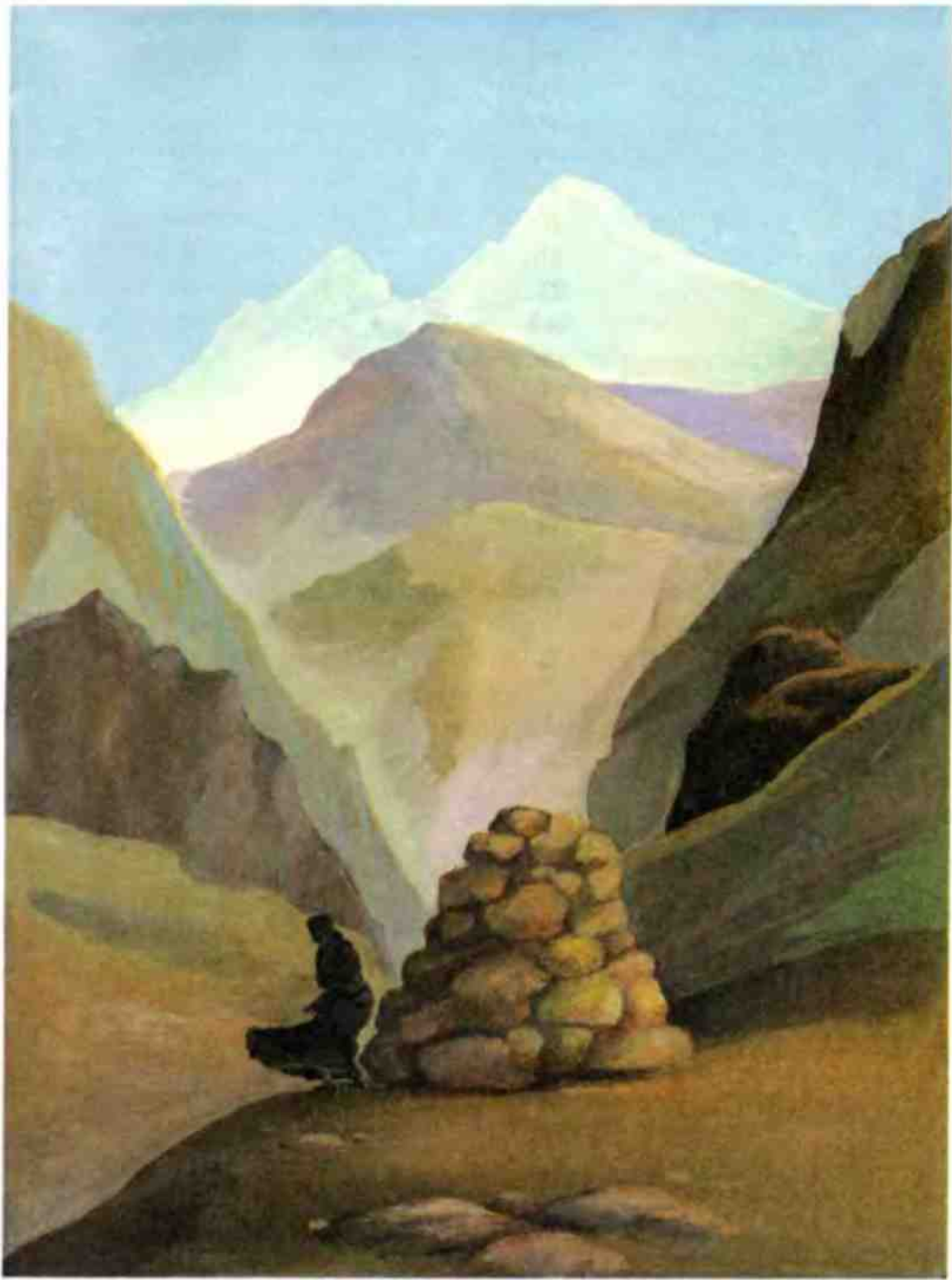
— Это мы... — догадался Арсен.

Его строчка оказалась самой длинной. И сердце его вдруг наполнилось радостью и гордостью.

— Уйдём со мной, мецмайрик, — сказал Арсен. — Я не могу оставить тебя здесь одну.

— Я бы смогла всех увидеть... — не то сказала, не то спросила бабушка.

— Всех увидеть? — задумчиво переспросил Арсен. — Но для этого нужно объехать несколько городов и исходить

сотни улиц... Не расстраивайся. Будешь жить у меня, хоть и тесно, но для тебя всегда найдётся место, самое лучшее. А остальных будем приглашать в гости. Постепенно всех увидишь.

— Зачем полошить? — вслух думала бабушка. — У всех заботы, может, кто больной. А семьи? Нужно кормить, стирать. Потом они нарядятся, подарки понесут, я так и не узнаю, кто как живёт... Нет, Арсен, я останусь здесь. Прожила с дедом восемьдесят лет, неужели теперь оставлю?

Бабушка на минуту скрылась в доме, вынесла оттуда туго набитый хурджин и передала Арсену.

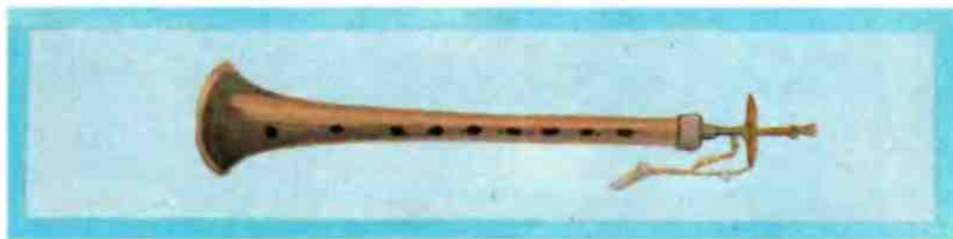
— Пусть все добрые слова из писем вернуться в сердца моих детей. Деньги раздели поровну... И себя не забудь, слышишь?.. А в память о дедушке возьми его зурну. Он весь свой век носил её за пазухой у сердца.

Арсен опустил перед бабушкой на колени. Потом поцеловал камни дедушкиной могилы и, перекинув хурджин через плечо, быстро пошёл к долине.

Перед последним поворотом Арсен оглянулся.

Среди скал он ещё раз увидел дедушкину могилу и застывшую перед ней бабушку. Ветер шевелил концы шали, словно наброшенной на каменное изваяние...

В горах есть скалы, похожие на фигуры людей. Одна из них напоминает мою бабушку, которая навечно осталась в горах.

Содержание

<i>С. Могилевская. О музыке и музыкан- тах</i>	3
--	---

САЛАМУРИ

Два ашуга	9
Саламури	11
Пушка за спиной	13
Случай на переправе	15
Аля-гайш	18
Сурнай	20
Гиджак	23
Виноградарь, флуер и скрипка	25
Волшебный каннель	28

ТЕТРАДЬ СЕБАСТЬЯНА

Как бы не так!	33
Шут Триболе	43
Бель канто	51
Эй, Антонио!	59
Страдивариус	67
Тетрадь Себастьяна	84

МЕЧТАТЕЛИ

Маэстро	95
Анхелк	100
Мечтатель	107
Камни на скале	121

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Григорий Владимирович Абрамян

ВОЛШЕБНЫЙ КАННЕЛЬ

Рассказы и сказки

ИБ № 6422

Ответственный редактор *Л. Г. Тихомирова*
Художественный редактор *Б. А. Дехтерев*
Технический редактор *Г. Г. Седова*
Корректоры *Е. В. Куликова, Т. А. Стадольникова*

Сдано в набор 02.08.85. Подписано к печати 22.08.86.

Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1.

Шрифт обыкновенный. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,36. Усл. кр.-отт. 39,2.

Уч.-изд. л. 7,51. Тираж 100 000 экз.

Заказ № 1629. Цена 95 коп.

Орден Трудового Красного Знамени
и Дружбы народов
издательство «Детская литература»
Государственного комитета РСФСР
по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли.

103720, Москва, Центр, М. Черняский пер., 1.

Орден Трудового Красного Знамени
фабрика «Детская книга» № 1

Рославполиграфпрома

Государственного комитета РСФСР
по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли.

127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Абрамян Г. В.

А16 Волшебный каннель: Рассказы и сказки / Предисл. С. Могилевской; Рис. И. Наховой.— М.: Дет. лит., 1986.— 127 с., ил.

В пер.: 95 к.

Эта книга о музыке, о музыкантах, о музыкальных инструментах разных народов и музыкальных мастерах.

4803010102—464
А $\frac{4803010102-464}{M101(03)86}$ 163—86

95 коп.

